С кр
Б 79
15375333

НАДЕЖДА БОЛЬШАКОВА

ПОДАРОК ЧАЙКИ

Скр
Б79

НАДЕЖДА БОЛЬШАКОВА

ПОДАРОК ЧАЙКИ

Сказки о Лапландии

1537533
М обл.
Ж потеЖ

«РУССКИЙ СЕВЕР»
1994 год

© Н. П. Большакова, 1996 г.

СКАЗКИ НАДЕЖДЫ БОЛЬШАКОВОЙ

На планете Земля — не время сказок. Поэтому нынче не сказка процветает, а быль. Подчас — суровая, грубая, жестокая. Даже такая: черно-быль!..

Правда, еще недавно жили в России люди, которые мечтали «сказку сделать былью». Если брать самые верхние этажи общества, то там хотение было на словах. На деле же — они из прозаических былей делали личные сказки, сказочную жизнь для себя. Потом их сместили. Однако чаще всего сменили их такие же «сказочники», новые создатели сказок только для себя, но уже не скрывающие своих целей.

И все же есть, есть еще на Земле места, где живут истинные создатели сказок. Одно из таких мест — ловозерская тундра на Кольском полуострове, один из центров знаменитой Лапландии.

Так сложилось, что совсем недавно, в восьмидесятые годы, у кольских саамов возникла современная письменность, появились учебные пособия и первые художественные книги на саамском языке, в полный голос заявила о себе первая поэтесса-саами Октябрина Воронова, основательница саамской литературы. Ее пример ободрил многих даровитых людей тундры, последователей известной писательницы, более молодых радетелей саамской культуры. И, хотя основным жанром Вороновой была стихотворная лирика, сразу несколько новых авторов пробуют себя в сочинении сказок.

Среди наследующих дело Октябрины Вороновой — прозаик Надежда Большакова из Ревды. Возможно, ее когда-нибудь назовут духовной дочерью Октябрины Вороновой. Она увлечена многим, уже написана первая книга, цикл сказок.

Правда, Надежда Большакова пишет на русском языке, но она стремится освоить саамский — язык своих предков по материнской линии. Следы этого освоения видны в ее сказках и сказах. Но главное — даже не присутствие отдельных слов, пусть и обширное, главное — страстное желание Большаковой зачерпнуть, испить из духовных родников тундрового народа, извлечь на свет из исторических тайников бесценные духовные зерна, художественные озарения и заповеди предков — для радости и смысла, для любования и поучения.

Думаю, что большинство взявших в руки ее сказки будут просто читать их. Но представляю, что встретится сколько-то и других, тех, кто — по издерганности или по усталости, по телеотравленности или по односторонней учености — будут ломать

голову: что она пишет? Ведь кое-что из этого (некоторые сюжеты, мотивы, имена) мы уже встречали: в этнографических записях, в сборниках лопарского фольклора!

Да, встречали. Ну и что? Не будем забывать о праве наследников-подмастерьев у народа — языкотворца и мифотворца — на осмысление, на переосмысление, на развитие традиционного материала, наконец, просто — на собирание этого материала в единое целое, в свод. Да такое собирание — уже и не просто право, а даже — обязанность. Надежда Большакова, кажется, на таком пути. Главное — чтобы наследник переосмысливал не «поперек», а по основному руслу традиции.

В русской культуре, например, в последние десятилетия такие «поперечники» появились, посеяли немало отравы. И мы видели перелицованную сказку, в которой ведьма — уже не страшная, а наоборот, привлекательная молодка, служащая не Злу, а Добру. Так, исподволь, производится смещение, разрушение вековых образов, сотворенных народом символов, отражающих противостояние Добра и Зла. И вот уже страшный Волк и бессердечный Кощей вызывают только сочувствие и жалость, а Заяц и Красная Шапочка кажутся коварными и недобрыми.

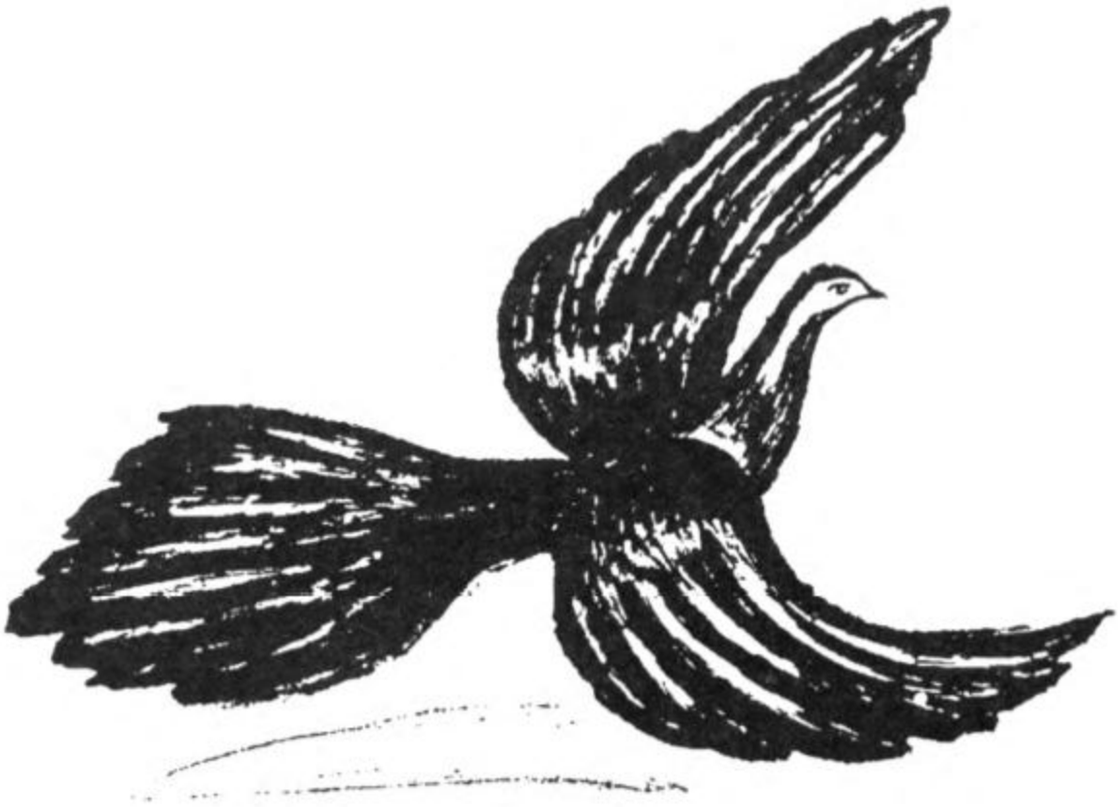
Сказочница Надежда Большакова из Лапландии — чуткий художник, бережно принимающий и продолжающий народную традицию. Она современный человек, многое почерпнула из книг. Но кое-что вынесла из своего детства, из бабушкиных сказок и речений. Кроме того, у нее самой богатая фантазия. Ну и — к ее творческому характеру немало приплавилось и по отцовской линии — поморской, с Архангельского Берега. Так что, думается, литераторская судьба Надежды Большаковой только началась. По возрасту она действительно могла быть дочерью Октябрины Вороновой.

И последнее. Для кого эти сказки? Для взрослого читателя или для детей? Для саамов или русских?

Убежден, что для всех. Каждый получит свое, свою крупицу света, радости, знания, красоты, добра. Каждый извлечет свой урок. Например, вы — русский читатель, не бойтесь обилия саамских слов! Пробегайте их глазами, озвучьте про себя, вслушайтесь в этот таинственный древний курлычущий язык.

Но обращаюсь к взрослым. Прочитайте сами. Прочитайте своим детям.

Виктор ТИМОФЕЕВ,
писатель



ПРАРОДИТЕЛЬ – МЯНДАШ

Однажды птица Вселенная отложила яйцо. Долго она сидела на нем, и, наконец, треснуло яйцо. Вылупилось из него много-много птенцов.

Пеййв — Птица-Солнце — оседлал космического *Шурр Тал* — Большого Медведя и полетел на нем себе невесту искать. Много *лоанньтэ* — птиц повстречал Пеййв, но ни одна ему не пришлась по сердцу. Наконец, однажды увидел Пеййв, летит *лоанньт* — *Еммьне*, птица-Земля, и влюбился в нее с первого взгляда. Стал он ей в любви объясняться. Видит Еммьне, а жених-то Пеййв хоть куда, и дала свое согласие. Начался у них брачный праздник любви. Пеййв вокруг Еммьне танцует, хвост распушил,

крепко обнимает ее и жарко целует. Поет Пеййв песню любви к Еммьне и все больше ее располагает к себе. Расскрывает Еммьне себя навстречу любовным призывам Пеййва, и заключает он ее в свои объятья. Вскоре понесла птица Еммьне после этого праздника и отложила яйцо.

Пеййв прилетит, обогреет жаром яйцо и опять улетит по своим делам, лоанньт Еммьне остается высиживать. Долго сидела, и вот, наконец, раздался хруст. Смотрит Еммьне, а из яйца теленочек появился. Обрадовалась лоанньт Еммьне — из этого теленочка сильный *гирвас* — олень выйдет. Пустила она сына-оленя на простор, пускай бегает, силы накапливает.

Отец Пеййв прилетел, посмотрел, а теленок быком настоящим стал, и решил рога его ветвистые позолотить, чтоб все вокруг знали, что это не простой олень бежит, а сын Солнца и Земли. И назвали родители сына *Мяндаш-пырре.*

Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу.

Бежит Мяндаш-пырре от края и до края земли, ищет себе любимую. Видит, сидит у берега *ниийт* — девушка саамская, понравилась она Мяндашу, и посватал он ее за себя. Обернул *важенкой*, и побежали они по тундре. Рассказывает ей Мяндаш, какие видел он земли, каких животных встречал на своем пути, удивляется всему этому девица-важенка и все больше в Мяндаша влюбляется. Захлестнули ее чувства, и рванулась она вперед, как ветер летит. А Мяндаш сделал один рывок и догнал важенку. Добежали до озера, пить стали. Смотрит Мяндаш-пырре, как красиво пьет важенка, и потянулся к ней, даря нежность и ласку.

Опустился на озеро розовый туман и укрыл влюбленную пару своим тончайшим покрывалом. Только плеск набегавших на берег волн да дыхание озера слышалось в тишине.

Долго ли коротко проходит времени, рождает важенка сына Мяндаш-пырре, да не теленочка, а дитя человеческое.

Кормит важенка сыночка молоком и приговаривает:

— Ты расти, расти, *мун алльк* — мой сын, — среди тундровых просторов, от отца-оленя золоторогого ты ум да выносливость возьми, от Солнца, твоего дедушки, тепло душевное возьми. От Земли-бабушки — силушку, а от меня, твоей матушки, любви ко всему живому на этой земле возьми, мун алльк.

Вырос сын, зовет его к себе Мяндаш-пырре.

— Садись, сынок, на меня верхом, покажу я тебе твои владения.

Сел молодец, и помчал Мяндаш-пырре просторы тундровые ему показывать. Показал и говорит:

— Это все твое, сын мой, скоро придет время тебе трогаться в путь, судьбу искать. Одно запомни, сынок, я, отец твой — прародитель земли этой тундровой, завещаю тебе ее на веки вечные. Должен ты беречь землю-кормилицу и быть оленям всем братом родным. От тебя пойдет род саамов-лопинов, и тебя все они будут почитать и слушаться. Береги доверие лопинов и не забывай заветы мои, оленя золоторогого.

КАК МЯНДАШ-ПЫРРЕ ИЗ ОХОТНИКОВ-СААМОВ ПАСТУХОВ СДЕЛАЛ

Давно это было. Так давно, что и деды-прадеды не помнят того времени. Помнить не помнят, а из уст в уста передают своим детям, а те своим, так эта история и дошла до нашего времени.

Жило на севере в далекой Лапландии смелое племя *самь меххьцтэй оллмэ*, что означает — саамских охотников. И возглавлял племя меххьцтэй олма *Ваййшесь Нюлл* — Быстрая Стрела.

Добротно, сытно жило племя. Рыбы, зверья в тундре много, и стоило натянуть лук Ваййшесь Нюлла, как лежал уже зверь

замертво сваленный. Но никогда Быстрая Стрела не поднимал свой лук ради простой забавы, любил он тундру свою и в обиду не давал ее обитателей. Тогда у племени своих оленей не было и приходилось им охотиться на диких пудзе, которых в те времена в немалом количестве водилось в тундре.

Но хоть велика тундра, да и ей конец есть. Начиная с редких деревьев, переходит она в самый густой настоящий лес. Вот в этом лесу и затаилась чудь со своим главарем Рогдаем-хищником. Прознал Рогдай, что в тундре видели *Мяндаша-пырре* — золотые рога, и решил его выловить.

Собрал Рогдай сородичей своих и сказал им такие слова:

— Хочу я Мяндаш-пырре выловить, чтоб осыпал он всех нас золотом. А чтоб Мяндаш-пырре выловить должны мы сплести *сайй сунэнь* — из оленьих жил сеть, узлы будем смазывать смолой сосны, вот тогда олень — золотые рога никуда от нас не денется.

— Чтоб такую сеть сплести, оленей нужно множество убить, — то ли спрашивали, то ли подтверждали мысли Рогдая-хищника сородичи.

— Я приказываю вам в тундру набеги делать и оленей бить всех без выбору. Женки ваши пусть сеть плетут, ну а я пойду на поиски Мяндаш-пырре. Предстоит нам охота великая.

Все пришло у чуди в движение. В тундре меххьцтэй оллмэ замечать стали, что дикий олень настороженным стал, пугливым. Но ни самь меххьцтэй оллмэ, ни Ваййшесь Нюлл не могли предположить всей опасности нависшей *чар еммьне альн* — над землей тундры.

Так однажды охотились они и не заметили, как углубились в тундру *кухкькень сыйтэсьт* — далеко от села. Уж и птицы набили, и зверя разного и решили огонь развести, передохнуть перед тем, как домой повернуть.

Хорошо поели меххьцтэй оллмэ и улеглись прямо вокруг огня спать. Зверя бояться им нечего, сытый зверь никогда на человека первым не бросится, а от комаров и мошек их медвежий жир предохранит, звон же насекомых лишь убаюкивает.

Заснули саамь оллмэ, а Быстрой Стреле не спится, лежит, вдаль уставился. Он любил такие минуты отдыха. Через пламя виденья тундры были еще более красивыми, загадочными. Они расплывались, дрожали и находили друг на друга волнами. Так, любуясь тундрой, Ваййшесь Нюлл почувствовал, как на его глаза наползает пелена сна, и уже сквозь дремоту он увидел необычную картину.

Откуда ни возьмись, появился вдалеке олень — золотые рога. Стоит, копытом бьет. Вокруг набежала чудь с сетью в сто аршин,

окружила она оленя, и накинула на него свою сеть.

Визжит чудь от радости, что Мяндаш-пырре поймали, тащит сеть, из которой ему не вырваться, а во главе их всех грязный гадкий хищник Рогдай шествует.

Очнулся тут Быстрая Стрела и понял, что не сон это был, а наяву все случилось. Разбудил своих друзей, меххьцтэй оллмэть, рассказал им увиденное и спросил, кто из них может объяснить это все.

Пуаррсамусс олмэнч, что означает, самый старый из охотников, стал рассказывать:

— Далеко в Лапландии, еще *таввьла син чааррэ* — северней их тундры живет *Мындаш-пырре* — золоторогий олень. Ищет он для себя новые места, одному ему ведомые. И если мы не спасем Мяндаша от чуди лесной, будет всем саамь оллмэть *шурр пиидть* — большая беда.

Отправились охотники по следам чуди, выручать Мяндаш-пырре. И привели их следы прямо к логову врага ненавистного. Спрятались за деревьями и стали наблюдать.

У чуди завершение большой охоты праздновали. Хмельное зелье в котлах варили, а затем разносили каждому. И у всех на виду в самом центре поселения в сети спутанный Мяндаш-пырре стоял, а напротив него Рогдай-хищник сидел.

— Долго будешь ты еще упрямиться? — говорит оленю главарь. — Тебе говорю, бей копытом своим, дай мне золота. Не выполнишь мое приказание — велю из тебя *сайй сун* — жилы тянуть и *цуйт* — сало резать.

Поднял Мяндаш свою голову и спокойно ответил Рогдаю презренному:

— Зря ты, чудь, стараешься меня запугать, никогда тебе не видеть золота. И уж

не тебе смертью меня пугать, тебе же самому скорая смерть грозит.

— Ты что говоришь, олень? Аль совсем ослеп и не видишь, сколько у меня воинов? Все, хватит на сегодня мне с тобой говорить, устал я и спать хочу, а уж завтра не видать тебе неба, если не дашь мне золота.

Увидев, что главарь пошел ночевать, чудь тоже вся расползлась по своим тупам. Возле Мяндаш-пырре даже охрану не выставили, так уверена чудь была, что деться оленю некуда.

Только в лагере чуди стихло все, за дело принялись охотники. Подползли они к златорогому и острыми ножами перерезали сеть, высвободили Мяндаш-пырре, а остатком сети тупу Рогдая опутали. Без единого слова все сделали и поспешили к себе в тундру.

А чтоб больше не досаждала чудь охотникам, выбежав из леса, остановился олень и стал копытом бить. Появилась *мехльцтэй оллмэ сильке тугкень шурр уррьт*, что значит появилась за спинами охотников большая гора и отодвинула лес от тундры.

Подняло солнце золотую голову, своим сиянием открыв новый день. Тут увидели охотники как горят рога Мяндаш-пырре.

— Ваййшесь Нюлл, — говорит олень, — дарю я тебе в подарок за свое спасение вожака и красивую важенку, на радость всем саамь оллмэть. От них племенной олень пойдет, *чар*.

Ну а вам, — обратился он к охотникам, — дарю каждому по стаду оленей, отпадет у вас тогда нужда охотиться, и обучитесь вы новому делу, будете оленей пасти и станете пастухами.

Поблагодарили охотники Мяндаш-пырре — золотые рога и поспешили к себе в *сыйт* — в село.. С тех пор в тундре оленей в стада собирать стали. Ну а саамь мех-хьцтэй пастухами сделались: ни к чему им в тундру за диким оленем бежать, ноги бить, когда свое стадо рядом с чумом ягель жует.

КАК САМЬ ОЛЛМЭ КУЙВУ ПОБЕДИЛИ

Происходило это так давно, когда наш север все называли холодной Лапландией. Тогда, когда главным среди *сыйт оллмэнь* — в селе у людей — был шаман-нойд. Ударял он в бубен свой под монотонное самь оллмэ пение и кружился в танце вокруг огня, испрашивая у духов удачной охоты, победы над врагами или исцеления от заболеваний различных.

Жизнь у саамов шла по своему календарю: отел оленей — это весна, вольный выпас — лето, *имание* — осень и долгие дни полярной ночи. Так и проходила жизнь этого маленького таинственного народа, затерянного в тундре, в далекой Лапландии.

Однажды, после отела оленей, великий шаман созвал свой народ и предупредил о нависшей над ними беде.

Развел он *шурр тол*, что значит большой огонь, и уселись вокруг него все самь оллмэ. Медленно пошел шаман по кругу, говоря такие слова:

— *Шурр пидть пуадт мыйе чиррэ. Еннэ оллмэде сонн уйитад.* Что значило: — Большая беда идет к нам в тундру. Много людей она унесет. Имя этой беде — чудь иноземная.

И сам танец его подобен был агонии смерти. Лохматые черные волосы разлетались в разные стороны в бешеном ритме. Тело шамана извивалось, переламывалось, корчилось. Он закатывал глаза к небу и раскидывал в стороны руки, словно крылья

птицы, трясясь всем телом. В такое мгновение бубен его тревожно дрожал, и все это скорее походило на безумную пляску, нежели на тайное гадание. Все ближе и ближе шаман к огню, вот уже языки пламени лижут его пальцы, передают тайные знаки. Огонь словно заворожен танцем колдуна, языки пламени то бешено вырываются в небо, то затихают, облизывая ноги шамана, и только он понимает язык стихии. Только он может разжечь пожар или потушить пламя. Ему подвластна сила великого колдовства.

Разговор с духами подходит к концу. Шаман укрощает огонь и, распластавшись перед ним, уже сливается с духом Матери-Земли. Теперь он слушает слово ее.

Самь оллмэ сидят, окаменев вокруг него, не смея нарушить священного таинства — разговора великого шамана с духами.

Через некоторое время нойд отрывает от земли голову, затем тело, и вот он уже вновь стоит, сотрясая свои руки, словно грозя невидимому врагу.

— Слушайте меня самь оллмэ. Дух Еммьне-иннк мне сказал, что движется на нас большая сила иноземная и возглавляет ее коварный и злой предводитель Куйва. Огонь предвещает большую битву, в которой мы победим, но много самь оллмэдте положат свои головы в ней. Есть один выход, сохранить ваши жизни, все мы должны уйти за дальнее озеро.

Словам шамана перечить нельзя, и самь оллмэ сделали так, как он сказал, перебрались за дальнее *шурр явьр* — большое озеро, чтобы отсидеться, переждать беду.

Коварный Куйва со своей силой по тундре идет, не жалеет ни птицы, ни оленя дикого, уничтожая все на своем пути, убивая всех, кто мешал ему завоевывать эту часть Лапландии.

Среди самь оллмэ молодой вождь *Пасьтлесь Чалльм* — Острый Глаз был, смелый ловкий такой меххьцтэй олма. Собрал смелый охотник вождей рода своего и сказал им:

— Стыдно нам самь меххьцтэй оллмэть прятаться шурр явьр тугкень, да бояться врага, когда еннь Емме стонет под пятой проклятого Куйвы иноземного. Должны мы чудь заманить *кэсск суллъе* — вглубь острова *Сеййть-явьр куэттка* — к сердцу Сейд-озера и там перебить их, как поганых псов.

Поддержали слова вождя Пасьтлесь Чальм охотники смелые, поднялся на битву

М... обл.
...иотека

1537533

эту и стар и мал, так как даже *удць пармэнч* — ребенок умел лук держать, не говоря уже о лопинках.

Хорошо зная места свои, меххьцтэй оллмэ заманили чудь к озеру, окружили плотным кольцом и началась тут битва не на жизнь, а на смерть. Полетели множество стрел *меххьцтэй оллмэ юксэнь* — из луков и сразили врагов многих намертво.

Куйва воином злым был, но и в храбрости ему равных не было, и бросался так отчаянно он в битву, словно кровное свое защищал.

Много оллмэдте положил бесстрашный враг и в месте том, где пролилась *самь вэрр* — кровь саамская, превратилась она в капли красных камней.

А никто не смог уйти живым из иноземного племени, последним бился Куйва раненый.

Молодой вождь Острый Глаз загнал Куйву *урьт эл* — на скалу и шамана великого призвал суд над врагом совершить.

Увидев нойда, почувствовал Куйва гибель свою и впервые страшно стало ему.

— В наказанье всем непрошенным завоевателям, — стал медленно говорить шаман, — навеки веков в скале ты стой, нагоняя страх на чудь поганую.

Так наказал шаман жестокого завоевателя.

Много лет и зим прошло с тех пор, а Куйва в скале и по сей день стоит, словно *чар* — грозный часовой.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ГОРА КАРНАСУРТ НАЗВАНИЕ СВОЕ ПОЛУЧИЛА

Однажды лопь Оця пошел на охоту. Возвращаясь домой, он нашел маленького вороненка с подбитым крылом. Жаль ему птицу стало, завернул Оця вороненка в тряпицу и принес к себе в чум. Стал его выхаживать. Зажило крылышко у птенца, но не улетел он в лес, привязался к Оце и остался у него жить.

Между тем время шло и из маленького вороненка вырос красивый большой Ворон.

Бывало идет лопин Оця на охоту, а Ворон впереди него летит, зверя показывает. Или рыбачит Оця, а Ворон тут же сидит. Хорошо им вдвоем жить. Ворон и погоду предсказывает, горе, радость, все ведомо вещей птице.

Заметили лопины, что поселилась в чуме Оци удача, стали они к нему наведываться, птицу вещую посмотреть, совета у нее выспросить.

В этом же становище жил нойд Ёгор. Был он властным и жестоким нойдом. Все лопины становища боялись его и слушались.

С появлением птицы Ворона лопины все больше к Оце стали заглядывать, стороной обходили вежу нойдову. И решил тогда нойд завладеть птицей Вороном.

Сговорился он с Оцей на охоту сходить *коанньт пудзэ* — диких оленей пострелять. Согласился Оця, чего не сходить.

А Ворон сидит, головой вертит, мол, не ходи, беда может быть. И все же пошел Оця. А как нойду отказать?

Вышли они на простор тундровый и увидали *коанньт пудзэ чудзэ* — стадо диких оленей. Нойд Ёгор говорит лопину Оце:

— Ты, Оця, иди вперед, а я вокруг стада обойду, выберу коанньт ерьк получше и дам тебе знак.

Согласился лопь, не чуя беды. Идет вперед, назад не оглядывается, да вдруг откуда ни возьмись налетел на него Ворон, столкнул наземь и тут же рядом стрела в ягель врезалась.

Если бы не Ворон, лежать лопину Оце убитым. А нойда и след простыл.

Понял Оця, что хочет его извести нойд Ёгор, стал думать, как из становища с Вороном своим незаметно уйти.

Нойд хитрющий про это прознал и решил сетью споймать Ворона.

Оця птицу в чуме силком не держал, Ворон — птица вольная, где хотел, там и летал, да только в ночь всегда к другу своему возвращался.

Углядел нойд, откуда птица прилетает, и поставил сеть на нее.

Вот летит Ворон к чуму друга своего, да не углядел и угодил в сеть нойдову.

Тащит сеть нойд, хочет Ворона схватить, да не тут-то было. Ворон клювом острым разорвал сеть и вылетел на свободу. Летит на нойда, крылами бьет его, еле тот успел ноги унести.

Понял Ёгор, что не победить ему Ворона без помощи. Стал думать, гадать, где помощь сыскать, и решил к чуди иноземной пойти.

Подговорил их, чтоб напасть на становище саамов и убить лопина с его птицею. С радостью чудь согласилась: все равно кого грабить и убивать ей.

Ворон в чуме друга своего, пророчит беду. Испугались *оллмэ* — лопины, не знают, что делать им, как беды избежать. А Ворон летает из чума в чум, стрелы да луки в руки лопинам вкладывает.

Тогда Оця взялся вести соплеменников против чуди и нойда злобного́. Встретились противники на открытом месте и завязалась у них битва.

Летят стрелы метких лопинов, поражают чудь в самое сердце. Так перебили лопины первый отряд противника и ободрились духом, да не тут-то было. Новый отряд чуди идет.

Тут уж Ворон вылетел навстречу им, громко кричит, крыльями машет, зовет на помощь друзей своих, воронов. Налетело их видимо-невидимо. Бьют они врагов своими острыми клювами, лопины помогают птицам меткими стрелами, гонят чудь с земли своей. Долго гнали вороны остатки чуди с саамской земли, и впереди всех летел Ворон лопина Оци.

Вот уж вся перебита чудь, и злой нойд упал, развернулся Ворон, чтоб к друзьям своим лопинам лететь, да сразила его стрела нойда раненого, из последних сил, что тетиву

натянул. Попала стрела в Ворона, и упал он на землю, раскинув в разные стороны крылья свои. Успел лишь в последний раз Ворон взглянуть на спешивших к нему лопинов и окаменел. Скатилась из глаза птицы слеза прощальная, упала на землю, и в миг в том месте родник забил, да не с простой водой, с целебною.

Подбежали лопины к Ворону, а заместо него уж гора выросла, закрыв проход в тундру с южной стороны. А над горой, прощаясь, кружили вороны.

Даже смертью своей защитил Ворон друзей лопинов. Погоревал Оця, но не вернуть друга ему. А чтоб все помнили о его Вороне и битве с чудью и нойдой злым, назвал он эту гору *Карнасурт*. Потому как *Карьнэсь* по саамски Ворон будет, а *уррьт* — гора.

КАК НОЙД ЛЕФФЬК НОЙДА МОАКСАНА ПОБЕДИЛ

ИЛИ ПОЧЕМУ ОЗЕРО СЕЙДОЗЕРОМ НАЗЫВАТЬСЯ СТАЛО

Явьр таввял рынтэсьт — на северном берегу озера жил *нурр нойд* — молодой колдун Леффьк. Жил он добротно, сытно, ни в чем нужды не знал. И дошли до него слухи, что на южном берегу озера поселился другой нойд, по имени Моаксан. Решил нойд Леффьк к нойду Моаксану в гости сплавать. Приготовил рыбы, шкур, мяса оленя в подарок, погрузил все это в карбас и поплыл *явьр соайив рыннта* — на южный берег озера.

Встретил его нойд Моаксан, стал дары принимать. Много подарков нойд Леффьк ему привез, и при виде их у завистливого нойда Моаксана нестерпимо начало ныть сердце. Погостил немного Леффьк и домой засобирался.

И спросил напоследок нойд Моаксан собрата своего:

— И как это тебе все удается добывать, нойд Леффьк?

Простодушный Леффьк ответил так:

— А мне, брат мой Моаксан, сейд помогает, — и поплыл на свой берег.

Сейд у саамов дух, что в камне сокрыт, но в горной местности обнаружить его не-

легко, так как внешне ничем не отличается он от обычных валунов. Но сейд, как и человек, нуждается в пище, внимании и без всего этого может потерять свои волшебные свойства.

Знал все это нойд Моаксан и решил подглядеть, где нойд Леффьк своего сейда прячет. Очень уж позавидовал Моаксан нурр нойд удаче.

Втайне причалил он к нойд Леффьк *рыннта* — к берегу, спрятал свой карбас и стал за ним подглядывать. А нойд Леффьк, не подозревая ничего, набрал из своих запасов *енмушша пудзэ пуййтэ* — побольше жира оленя, крови и углубился в горы. Завистник по его следу идет, не отстает. Видит он, подошел Леффьк к сейду, положил перед ним подношения и стал просить удачи в рыбной ловле и охоте. Затем поднялся и в обратный путь отправился.

Только скрылся Леффьк, подбежал к сейду Моаксан, все дары расшвырял и стал поносить сейда грязными словами.

Рассердился сейд на обидчика, и поднялся ураган, но не прост был и нойд Моаксан: «сильным» нойдом он слыл, силами своими связал дух сейда и обезоружил его.

Прознал про это нойд Леффьк и решил вызвать нойда Моаксана на поединок. Хоть и молод был Леффьк, но догадался, с кем дело имел. Раз нойд Моаксан самого сейда победил то думать надо было, что и его, нойда Леффька, победит.

Побежал Леффьк к источнику горы Карнасурт, в ущелье вошел, воды испил и стал просить у покровителя нойдов Сайво-Олмако хитрости победить злого Моаксана. Рассказал он ему, как обидел тот сейда, и внял Сайво-Олмако словам нойда Леффька, наградил его силой великой и хитростью.

Встретились на поединке два нойда и обговорили условия: «Кто из них застанет друг друга в полдня в том образе, тот в нем и останется».

Выпал первый черед нойду Леффьку прятаться. Отошел Леффьк в сторону и думает, в кого бы ему превратиться. Хотел было *коанньт пудзэ* — дикого оленя облик взять, но подумал, что нойд Моаксан сразу догадается. И принял решение стать ягелем.

Бегает нойд Моаксан, ищет Леффька, да не может найти. Уже *Пеййв* — солнце на закат пошел, а все не найти Леффька Моаксану.

Вышло время его, и вновь нойд Леффьк *оллмэ* — человеком стал.

— Не нашел ты меня, нойд Моаксан, теперь твоя очередь прятаться. Моаксан тоже решил, кем ему стать, и обернулся в камень-валун, что на озере.

Теперь стал Леффьк искать нойда Моаксана, *элля чарэсьт, элля урьтэсьт* — нет в тундре, нет в горах, *эххт явврь* — одно озеро осталось. Побежал Леффьк к озеру и приметил на нем новый валун. Понял Леффьк, что за камень стоит, и крикнул: *«Нойд Моаксан, тонн лях кеддкь явресьт!»*, — что значило «Нойд Моаксан! Ты — камень на озере!»

Заходили волны сильные, *соаййв нурр пиннк* — южный молодой ветер подул бешено, и вошел дух нойда Моаксана в тот валун, что стоял на озере, превратив его самого в сейда на веки вечные.

С тех самых пор стали оллмэ это озеро *Сейдозером* называть, потому как дух сейда теперь стал там хозяином.

Ну а нойд Леффьк после поединка того вновь у себя *яввьр таввял рынтэсьт* — на северном берегу стал жить, рыбу ловить, зверя стрелять и дары свои подносить самому Сайво-Олмако.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЗЕМЛЯ У СААМОВ РОСТ ЗАБРАЛА

— Дедуля, дедушка, расскажи сказочку.

— Про что ж вам, внучатки, сказку рассказать? Поди-ко, вы все сказки уже знаете!

— Ты нам про жизнь саамскую, что раньше была, расскажи.

— Эвон, вы куда загибаете. Что ж, раз хотите знать, как жили наши прадеды, поди, расскажу.

Саамеедна — земля саамская раньше была богата всем. Оленей видимо-невидимо на ней паслось, зверя разного, птица большая и мелкая водилась, а уж рыбы в озерах, хоть пригоршней лови... Жизнь была — что тебе рай!

Люди с дальних земель боялись Севера, считали места наши дикими, гиблыми. Зато саамам привольно жилось.

Мне рассказывал мой дед о том, что крепкий был тогда народ саамов — высокий, породистый.

Только прознала про богатства саамеедны чудь проклятущая и нагрянула неожиданно. Оленей побила, меха забрала, мясо, рыбу поела всю. Кто из саамов успел в лес убежать, тот и сохранил добро свое.

Так и повелось, поживут, поживут самь, только успеют зверя наловить, меха добыть, одежи себе нашить, чудь тут как тут.

И решили тогда прадеды наши у Матери-Земли убежище просить. Развели *шурр тол* — большой огонь, закололи оленя мо-

гучего и принесли его в жертву Богине Земли.

Носится вокруг шурр тол шаман, заклинания шепчет разные. Повалились на колени *оллмэ* — люди и стали Мать-Землю просить:

— *Еммьне еннь пяллэшьт минэть!* — это означало: Мать-Земля защити нас! Позволь в твоем теле спрятаться.

Услышала Земля саамская мольбу детей своих и укрыла их от врагов бесчисленных.

Чудь вновь в тундру пришла, да только ни одного саама не сумела найти.

А лопари в земляных своих домах живут, как мышки в норках сидят и бед не знают.

Устала чудь от поисков и подалась в свои леса дремучие, но по всей саамской земле посты свои расставила.

Саамы боятся из-под земли выходить, выдать себя чуду-юде проклятущему. Только самые смелые охотники покидают подземные домики и идут, чтобы мяса да шкур добыть.

Долго жили саамы под землей, уж и дети новые народились и тесно им в чреве Земли-Матери стало, не хватало воздуха, да и солнечные лучи под землю не проникали совсем.

И решили тогда вожди саамские войну чуди объявить. Как только чудь где-нибудь появлялась, тут ей и конец приходил. Сама земля стрелять, убивать чудь стала, потому как из укрытий своих били чудь наши прадеды.

И прогнали ворогов с земли своей.

А когда вылезли из-под покрова материнского увидели, дети, что народились под землей, совсем небольшого росточка все. И сказал своему племени шаман, что это Земля-Мать у саамов рост забрала, за то, что прятала их столько лет.

Но не расстроились лопари. Рост они потеряли, зато племя свое сохранили и землю саамеедину от чуди спасли.

— Дедушка, дедушка, а земля наша всегда такой богатой будет, как раньше была? — спросили деда любознательные внуки.

— Нет, внучатки, не такой уже стала наша тундра. Старые лопари говаривали — чудь для тундры не так страшна, а вот настанет время в тундру машины придут, вот те и погубят ее, родимую.

— Как же так, дедушка, ведь машины пришли уже, значит погибла тундра?

— Тяжелое время для тундры пришло, деточки. Веками саамы ягель берегли, на одном месте не пасли оленей больше положенного срока. А сейчас забыли об этом, сочные ягельники уничтожаются все. Не будет ягеля, олень пропадет, олень пропадет, сааму нечем жить станет. Вы — молодые, вот и подумайте, как тундру спасти.

КУТЬКХЕМЬ — БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Эфт сыйтэсьт ииле удць паррьща, енньхемь-ажьхемь. В одном селении жил маленький мальчик, круглый сирота. Ходил он из чума в чум — где накормят его, где переночевать пустят. Был он маленький, всегда взъерошенный, как воробей. И люди прозвали его *Цыза* — воробей. Так и попал Цыза к старому шаману. Решил шаман из него себе помощника сделать. Учит он *паррьша* — мальчика:

— Я один для тебя. Меня ты будешь слушаться, мне подчиняться. Буду я тебя колдовству учить. Ничего и никого ты не будешь бояться с тех пор. Ты будешь сильный и заменишь меня. И пусть во все времена боятся тебя лопины.

Цыза — сирота. Ему что, кто кормит и поит, тот и есть *аджь* — отец ему.

Шаман так потрудился над мальчиком, столько в него зла вложил и нелюбви ко всему живому, что поражались лопины бессердечию сироты. Теперь его уже никто Цыза не звал, а прозвали его лопины *Кутькхемь*, что значит бессердечный, за его злые колючие глаза и холодное сердце. Шаман радовался, что настоящую замену себе вырастил.

Однажды послал он Бессердечного в тундру за травой для настоев, пошел Кутькхемь. Вдруг видит, бежит *гирвас* — олень, неровно так бежит, на одну ногу припадает.

Недолго думая, натянул лук Бессердечный и выпустил в оленя стрелу. Упал

гирвас. Подошел к нему Кутькхемь и говорит:

— Хромому нечего по тундре бегать. Скажи спасибо, что я в тебя первой стрелой попал.

Тут, откуда ни возьмись, появилась *пуэресь аххьк* — старуха-отшельница и говорит ему:

— Покуда злым умом жить будешь?!

— Покуда захочу, — отвечает, ничему не удивляясь, Кутькхемь.

— Смотри, паррьн, не услышишь сердце свое — в камень, в сейд, обернешься, стоит

тебе еще раз зло сделать, — пригрозила старая.

— У меня сердца нет, я умом живу, — сказал этой пуэресь аххька Бессердечный.

— Сердце у каждого есть, да не каждый услышать может его. Не услышал ты боль оленя и убил, а он ждал от тебя помощи.

— Я и помог ему, убил, чтоб не мучился, — удивился паррьн.

— Запомни, Кутькхемь, сотворишь еще хоть одно зло — быть тебе камнем на веки вечные, — сказала это и исчезла старуха.

Стоит Бессердечный и думает, как ему быть. Набрал травы, пошел в становище, а навстречу ему бежит лопинка.

— Помоги моей дочери, Кутькхемь, — просит его, — умирает она.

Подумал было Бессердечный, что, если умирает она, какое ему до этого дело. Но тут вспомнил лицо старухино и ее пророчество и сказал лопинке:

— Веди. Если не поздно еще, помогу.

Зашел он в чум и увидел, больная в лихорадке находится. Стал ученик шамана лечить *нийт* — девушку. От старания спасти ее даже весь вспотел, но, однако, судьба улыбнулась и ему и ей.

— *Шурр пассьпе* — большое спасибо, добрый человек, тихо произнесла нийт.

Когда Кутькхемь услышал это и увидел с какой благодарностью посмотрела на него девушка, что-то сжалось у него в груди, и впервые за много лет он почувствовал радость и тепло. Парень невольно улыбнулся ей в ответ и сказал, что она скоро встанет на ноги.

Когда паррьн к шаману шел, думал: «Почему столько лет, помогая учителю, я никогда не испытывал такой радости, какую только что испытал в чуме лопинки.

Колдун говорил, что жестокость дает власть над людьми, но жестокость, оказывается, не дает радости. Шаман твердил, что сердце — это всего лишь кусок тела, как все в человеческой плоти, а самое главное ум. И что ему делать теперь, кого слушать?».

И опять перед ним возникло лицо старухи, и он услышал ее голос:

— Пусть уснет на время твой ум, и пусть говорит одно сердце. Когда сердце научит тебя добру, тогда и твой ум в пользу будет.

Пока он шел да думал, весть о том, что Кутькхемь девушке помог, вперед него летела. Встретил его шаман руганью:

— Кто велел тебе девке этой помогать? Теперь будут лопины одолевать тебя своими просьбами.

— Мне ведь не трудно, пусть живет, — сказал ученик.

— Если еще поможешь кому, убирайся от меня, хоть на улице спи, — гневно предупредил колдун.

Прошло какое-то время, и вновь парня просят помочь. Хотел было он отказать, да вспомнил, как сердцу стало хорошо после взгляда девушки и пошел лечить больного.

Прознал про это колдун и решил ученика своего убить. Занес он за его спиной нож, но Кутькхемь почувствовал и своей внутренней силой выбил нож из рук шамана. Не ожидал этого старый и понял, насколько превзошел его ученик. Он чувствовал, как держит его в тисках молодая сила, сердце его не выдержало, и он, переполненный злобой и желчью, умер.

Парень похоронил шамана как положено колдунов хоронить, вниз лицом, чтоб не

докучали всем, и женился на той самой девушке, которой помог в первый раз.

Вскоре лопины парня нойдом выбрали, и за все время был он самый добрый и самый справедливый нойд на всем севере.

КАК АЙЙК - БОГ ГРОМА ЗЛО НАКАЗАЛ

ИЛИ ПОЧЕМУ ОЗЕРО ЛОВОЗЕРО ИМЕЕТ СТОЛЬКО ОСТРОВОВ

На южном берегу красивого озера Луяввьр жил нойд *Оаньхесь Юлльк* — Короткие Ноги, на северном — нойд *Вулльгесь Вуэххьц* — Низкий Лоб. Давно и жестоко соревновались они в злобе своей, кто больше людям своего становища худого сделает, беды принесет. До сих пор все им сходило безнаказанно, и они возомнили себя уже выше всех духов и богов.

Оаньхесь Юлльк пришел к озеру и вызвал духа воды на разговор.

— Хочу, дух Воды, я с тобой заключить союз, выслушай, что я тебе предложу. В каждый раз, как я закину невод, ты мне станешь сполна рыбы давать, а я тебе жизнь одного лопина из моего становища.

Принял дух Воды условия нойда, и стали умирать люди с берега южного. Сначала дух малых деточек забирал, потом *оллмэ* — людей, что в силе были, а когда остались одни старики, сказал дух воды нойду Оаньхесь Юлльку:

— Старых жизни за рыбу не буду я брать, они и без выкупа скоро ко мне придут, и потому союз с тобой, нойд, разрываю я.

Нойд с берега северного другое творил. Была в его становище самая красивая

девушка, и взял ее Вулльгесь Вуэххьц в жены себе, а когда она нечаянно пролила уху в камелек, стал за это нойд ее избивать. Раздел догола, достал прут осиновый и стегал ее так, что кожа с бедняжки клочками на землю падала. Даже кричать уже девушка не могла, потеряла сознание. А нойд ее окровавленную завернул в шкуру оленью, да так, чтобы ворс в раны забился и вытащил из чума в себя приходить.

Пролежала она целую ночь, а наутро нойд Вулльгесь Вуэххьц вновь ее в чум затащил, шкуру размотал и вновь стал бить ее.

Стонет девушка, просит лучше сразу убить, но не мучить так и вновь теряет сознание, а нойд воду льет, чтоб пришла в себя. Так мучил бедняжку он целых три дня, а когда та умерла, выкинул тело ее в тундру на съеденье зверью.

Хвастается нойд с берега северного нойду с берега южного, вот, мол, какой он выдумщик, что жизни людей духу Воды за рыбу отдал. Низкий Лоб в ответ: это, мол, что, ты попробуй жертву свою до изнеможения довести, чтоб она смерти, как радости, ждала.

Видел их дела небесный бог Аййк и решил проучить коварных да злых колдунов, которым высший Бог дал знания и умение колдовства, чтоб помогать оллмэть, но не жизни их изводить. Натянул он свой лук и метнул стрелу-молнию в нойда с берега южного. Пронзила стрела Оаньхесь Юлька, вошла в землю и треснула та. Затем Аййк натянул еще один раз лук, и попала стрела в другого нойда, Вулльгесь Вуаххца, и также прошла стрела через нойда в землю и расколола ее на множество крупных и мелких островов.

Так бог Грома наказал зло, потому как не мог Аййк допустить, чтоб эти два нойда, возомнившие себя чуть ли не богами, равными ему, и дальше безнаказанно убивали людей. Он уничтожил их в назидание другим колдунам и простым лопинам, кто осмелится на злые дела.

Только сила удара стрел-молний оказалась так велика, что раздробила ровные берега озера Луявьр. Вот с тех пор и разбросано множество осколков-островов по озеру, и уже не определить, где какой и чей кусок берега.

НОЙД-РОАВВК

Просватали лопины девушку-сироту за нойда-колдуна старого и уж день свадьбы назначили, а нойд возьми да помри. Боятся лопины колдуна хоронить сами и позвали они *нурр нойд* — молодого нойда с другого острова. Молодой-то нойд не искушенный в этом деле был и, не понимая всей тяжести поступка своего, дал согласие.

Увез он покойника подальше от становища да и похоронил его, как простого лопина. Того нойд не знал, что хоронят колдунов вниз лицом, чтоб, значит, они из земли выхода не нашли, да беды не наделали.

Пришел нурр нойд в становище и объявил, что похоронил нойда честь по чести, как и положено, и все в селе успокоились.

Прошло какое-то время, Оанэсь, та самая *нийт* — девушка, полюбила лопина по имени Одгэм, и решили они судьбы свои соединить. Перед свадьбой снится Оанэсь сон, а во сне приходит к ней мертвый нойд и говорит:

— Не можешь ты за другого замуж идти, моя ты нареченная, и завтра я приду за тобой.

Проснулась девушка вся в холодном поту, побежала к жениху своему Одгэму и рассказала свой сон. Жених ее лопин умный был, решил он нурр нойда сходить и выспросить, как тот их шамана похоронил.

Нойд, ничего не ведая, рассказал ему все, как было, и понял лопин, что дело предстоит не шуточное и не напрасны страхи

его невесты, потому как грозит ей большая беда.

Пришел к Оанэсь и говорит:

— Нойд, что в нашем становище жил, *роаввком* стал, что значит упырь или живой мертвец. Сон тебе этот, ниййт, вещий. Собери пожитки, что-нибудь поесть, и бежим из становища. Когда-то в детстве мне дед мой рассказывал, если кто от роаввка спасается, надо тому три реки перейти, и тогда роаввк силу потеряет и оставит преследуемых. Сумеем мы с тобой эти три реки перейти — живы будем, нет — роаввк нас обоих убьет.

Запряг самых быстрых и самых выносливых оленей Одгэм, села Оанэсь в сани, и помчались олешки на ноги тундру наматывать. Едут весь день, а до первой реки еще далеко.

— Смотри, Одгэм милый, ночь на тундру спускается, скоро ль до реки доберемся мы?

— Скоро, скоро, моя любимая, — успокаивает Оанэсь Одгэм.

В это время роаввк из могилы встал и пошел в становище. Зашел в чум, где его невеста жила, и не нашел ее. Приложил роаввк ухо к земле и услышал, что парень с девушкой убегают от него. Понял роаввк, что обманула его Оанэсь-невеста, и разъяренный помчался за ней. Бежит долго, всю ночь бежит.

Вот уж упряжка с молодыми к реке подъезжает, и в этот самый момент *Пейив* — солнышко из-за горы вышел и загнал роаввка в землю вновь.

— Слышал, любимый, роаввка дыхание за нашей спиной? — спросила испуганная Оанэсь.

— Слышал. Хорошо, что Пейив вовремя подоспел.

Перебрались они через речушку по мелководью, сели в сани, и понесли олешки их по тундре опять. За много верст лежит река, успеют ли?

Целый день бегут олени, не останавливаются, вот уж полночь надвигается, а реки еще не видать.

Поднялся роаввк из-под земли и устремился в погоню за беглецами. Перекинул он дерево через первую речушку и без труда перешел ее. Снова бежит он быстрее быстрого. Вот-вот нагонит молодых. Хоть и далеко еще роаввк от невесты и жениха, да только топот его они уже слышат за своей спиной.

Остановил тогда парень оленей, срубил осиновый кол и стал чертить кресты вокруг упряжки своей. Большой круг из крестов сделал, а сам, Оанэсь да олени в кругу том остались, стоят, не двигаются.

Видит роаввк, что догнал молодых, и обрадовался. Сейчас, думает, расстерзаю я их. Да не тут-то было! Наткнулся он на круг из крестов и не может внутрь попасть. Бегает, кричит, страх наводит.

Зарылась Оанэсь в шкуру оленью, чтоб не видеть и не слышать его, да от жути не умереть. А Одгэм смотрит, не придумает ли роаввк хитрость какую и не перейдет ли круг. Но вот Пейив вышел, и опять роаввку пришлось в землю уйти.

Спешат молодые, вот уж через вторую реку перебрались, да и до третьей немного осталось. А тут ослабли олени от гонки такой и упали, не могут шага больше сделать. До реки немного осталось, бегут Оанэсь и Одгэм к ней, да только нигде лодки поблизости не оказалось, чтоб перебраться на берег другой.

Роаввк же, перебравшись и через вторую реку тем же способом, как и через первую, достигает уже берега третьей реки.

Увидел парень, что близко роаввк, подтолкнул Оанэсь в воду и приказал, чтоб старалась вплавь достичь другого берега, где роаввк уже будет не страшен. Сам тоже не мешкая прыгнул и поплыл.

Видит роаввк, уходят от него молодые, и решил на дереве за ними плыть. Хоть и боится он воды, да только злоба его сильнее страха. Вот он вырвал два дерева из земли, перекрутил ветки их и, забравшись на них, поплыл догонять парня и девушку.

Увидал это Одгэм, подумал: «Плохо дело» — и решился обхитрить *поасс* — злобного роаввка. Нырнул он под воду, раздвинул деревья на которых роаввк стоял.

Роаввк в погоне за нийт выпустил из виду Одгэма и не увидел, как тот под него поднырнул. Раздвинулись деревья и полетел

роаввк прямо в воду. Зашипела, забурлила вода и сожгла страшного роаввка.

Парень с девушкой на берег выбрались. Тут, в самое время, Пейив из-за горы вышел, обогрел их своими лучами солнечными.

Так молодые освободились от преследований нойда и зажили далее счастливо.

ДУХ МАТЕРИ ЗЕМЛИ

В одном чуме жила семья бедного лопина — вдовца, в другом — богатого. У бедного лопина было пять дочек, и он очень переживал, как же их всех замуж отдаст. Не везло ему в жизни: пойдет рыбу ловить, почти ни с чем в чум возвращается, на охоту отправится — то же самое. Дочки его успокаивают:

— Да не печалься, *аджя*, ты так за нас. Если полюбимся кому, и бедными нас возьмут, а нет, с тобой жить будем.

— Правильно, сестрица, если нет любви, то и богатство не поможет.

— Разве, аджя, мы так тебе надоели уже, что ты нас хочешь в чужие семьи отдать?

— Что вы, доченьки, — оправдывался отец, — я всех вас люблю, только разве дело всю жизнь с отцом жить.

— Ты, аджя, женись, что по матушке так долго убиваться, — вдруг сказала отцу младшенькая дочь.

Отец посмотрел на нее неодобрительно и сказал:

— Какой может быть моя дума о себе, если вы не пристроены. Вот когда каждая из вас свою *вежу* поставит, вот тогда разговор и о женитьбе можно вести.

Девушки очень любили своего отца и жалели, только помочь ничем не могли.

В богатом чуме жил лопин с женой и тремя сыновьями. Его парням нравились девушки бедняка, но отец не позволял им

даже думать о них. Злым и жестокосердечным он был лопином, бил жену свою, да и сыновьям доставалось, если что-то не так сделают.

В тундре всякие люди появляются, всех лопины принимают, потчуют.

Однажды постучалась в чум бедного лопина *аххьк* — женщина, попросилась переночевать.

Собрал лопин свой бедный скарб, накормил гостью, девочки ей лучшее место приготовили и легли все спать.

Тут младшая сестрица приоткрыла полог к старшей и говорит ей:

— Ты поняла, сестрица, кто к нам пришел?

— Аххьк-лопинка, не мешай спать, уймись, — рассердилась старшая, что ее покой нарушили.

— А ты видела, — не отстает младшая, — как она по чуму шла?

— Ну, видела, и что из этого, — не понимая, куда клонит младшая, сказала старшая.

— Ничего ты не видела, если так говоришь. Ведь она шла, не касаясь земли. А так только духи ходят. К нам дух Матери-Земли пришел в образе лопинки, — заговорщечки сообщила сестре младшая.

— Ты в своем уме, сестричка моя? — спросила ее, уже теряя терпение, старшая.

— Можешь не верить мне, а только я чувствую, что наша жизнь скоро изменится, — сказала с обидой в голосе младшенькая дочь лопина. И она оказалась права, так как наутро не нашли в чуме гостью, да и место ее спальное примятым не было.

— Ну дух так дух, — сказал отец дочерям, — хорошо, что вечерять хоть ухой пришлось! Сегодня вновь пойду на озеро,

заброшу сеть, глядишь, рыбину-две и выловлю.

Пошел лопин, забросил сеть и, о, чудо, плещится в сети его рыбы видимо-невидимо. Дочек на помощь звать пришлось.

На другой день пошел на охоту он и двух лис сразу принес. Так их жизнь в гору и пошла.

А дух Матери-Земли и к богатому в гости пожаловал.

Увидал богач *аххьк*, спросил, что надо ей.

— Да вот, говорит аххьк, — издалека иду, накормите люди добрые и разрешите переночевать.

Хотела было хозяйка гостью провести к огню поближе да накормить, только злой муж оттолкнул ее, а *аххьк* сунул черпак с водой и сказал:

— Сами не в достатке живем, пей и ложись у выхода, а наутро чтобы духа твоего не было!

— Спасибо и на этом, — сказал дух Матери-Земли, а наутро, как приказал богач, никого уже в чуме не было. Только дела богача на убыль пошли, а еще через несколько дней ушел он в лес и сгинул там. Ходили сыновья, искали его, да так и не нашли.

Выждали время и просватались сразу трое к дочерям лопина. Поставили вежи свои и жить начали. Недолго и две младшие дочери дожидались, посватали их справные лопины, и они тоже вежи свои поставили.

Пришла младшая дочь к отцу и говорит:

— Теперь, аджя, в самое время тебе о себе подумать. Гляди, наша соседка лопинка, вдовушка богача, как с тобой она приветлива! Бери ее в жены, отец, мы с сестрами да и ее сыновья спокойны будем за вас.

— Хорошо, дочь моя, послушаюсь я совета твоего и женюсь на лопинке. Только ведь у нее согласия не мешало спросить.

Лопинка не противилась, дала свое согласие, и зажили они счастливо. А из поколение в поколение передавали завет детям своим: встречать, привечать гостей, как бы ни жили — в богатстве иль в бедности, а не то придет дух Матери-Земли и изменит всю жизнь.

СКАЗКА О ЖИВОЙ И МЕРТВОЙ ВОДЕ

Есть на севере красивое и сильное озеро Луяввьр. Много островов оно имеет, но самый красивый находится в северной части озера и называется *Чуэлльм-суэл*, что в переводе означает Салма-пролив. Жило на этом острове богатое племя саамских лопарей. Всего у них было достаточно: и оленей, и рыбы, и зверя разного. Много к ним ездило в гости родичей, а однажды посетил племя нойд с дальнего острова. Посмотрел он, как они живут, и загорелось его сердце злобою.

Подсыпал он *оллмэть* — людям в пищу порошка травы-отравы, чтоб лишить их силы, а сам ночью тайно покинул остров.

В это время на острове праздник был. Разожгли оллмэ *шурр тол* — большой огонь, стали уху варить. Все племя у огня собралось, не было только брата Пулле Куттька и сестры Вуагэшк. Мать отправила их на птичий остров Цызгасуэллъе яиц утиных да чаячьих набрать. Брат с сестрой никогда не ослушивались приказаний матушкиных и без разговоров отплыли с острова. А мать сердцем чувствовала, что грядет на их остров беда, если сам колдун с дальнего острова явился.

Едят уху оллмэ да похваливают, а к вечеру один за другим занемогли. К утру почти все стар и мал лежали словно мертвые.

Ходит Тяпаска, мать Пулле Куттька да Вуагэшк по острову, не знает, чем помочь сородичам. Отказалась она уху есть из общего котла, только не могла объяснить оллмэ, что ее предчувствие мучает. Даже муж родной не послушался и сейчас лежал без движений. Обошла Тяпаска всех и хоть одним ее сердце утешилось, дети, что в люльках спали, оказались здоровенькими, их мамки не успели накормить отравленным молоком. Да самый старый лопарь кряхтел в чуме своем, он уснул, так и не дождавшись праздника. Плачут детишки от голода, и Тяпаска вместе с ними по щекам слезы свои растирает.

Услышала тут она стук карбаса о камни и кинулась к берегу. Обнимает, целует детей своих и рассказывает им о беде, что пришла на остров их.

Погоревали, погоревали, только этим оллмэть не поможешь, и направился Пулле Куттьк за помощью к родичам на другие острова, а Вуагэшк с матушкой морошковый да брусничный отвары готовили да людей поили, чтоб не умерли.

Приехали на остров родичи и собрали совет. Рассказала им Тяпаска все, что здесь произошло, и спросила совета у *тидтэй оллмэсьт* — мудрого лопаря. Долго думал старец, наклонив на грудь голову, затем медленно заговорил:

— Тяпаска и вы, родичи, должны жить на острове и поддерживать жизнь людей отварами, а детей *коанньт пудзэ* — молоком диких оленей поить. Оллмэть может помочь только живая и мертвая вода, а ее добыть сумеет лишь юноша с отважным и смелым сердцем, потому как путь не ближний к воде, источник ее находится у священной горы Карнасурт. Только эта вода и может спасти наш народ.

Встал тут *Пулле Куттык*, что в переводе Горячее Сердце, и сказал:

— *Тидтэй олма, яннъ-ням* — мудрый старец, дорогая моя матушка, позвольте мне пойти, я достану живую и мертвую воду.

— Нелегок путь к горе, *мун альк* — мой сын, тебе ведь только четырнадцатая весна пошла, — опечаленно сказала Тяпаска.

— Ничего, янн-ням, я справлюсь, — уверенно сказал Пулле Куттык.

Внимательно посмотрел на юношу тидтэй олма и, наконец, подозвал к себе.

Подойди ко мне, Пулле Куттык, я тебе одному скажу тайну воды.

Подошел Пулле Куттык к старцу, пригнулся, внимательно слушает.

— Родник с водой Разиайка знает, что в тех местах живет, сумеешь завоевать ее расположение, покажет она его тебе. И помни — мертвую воду земля зимой родит, сочтешь *каххцемьплоагкь пеййве* — восемнадцать дней и в ночь зачерпни воды из родника. Да бережно, не испугай родник, с поклоном у Матери-Земли воду проси.

С почтением слушает старца юноша, не торопит, не перебивает его.

— Живую воду можно будет добыть из этого же родника, да только в разгар лета самого. А день укажет тебе *Талл* — Медведь, в это время бродит он по лесу и к роднику идет в ночь, когда земля родит живую воду. Он пьет ее, чтоб никакая болезнь не цеплялась бы к нему. Сможешь ли ты найти и расположить к себе Разиайке и Талла?

— Постараюсь, тидтэй олма.

Снарядила Тяпаска сына в дорогу дальнюю, дала ему с собой мазь на травах и медвежьем жиру настоянную и благословила в путь живую и мертвую воду добывать.

Долго ли, коротко ли шел юноша, чувствует мороз стал крепчать, решил чум поставить, огонь развести, обогреться. Сидит юноша у огня, вдруг слышит, кто-то стукнулся чем-то о чум. Выглянул и увидел, стоит олень, поджав ногу, из которой кровь на снег капает. Приподнял Пулле Куттьк полу чума и впустил оленя к себе. Оглядел рану и вспомнил про мазь, что мать дала. Достал ее, смазал рану оленя, а затем разделил с ним свою пищу. Пригрелся олень, лег на землю у огня, а около него и Пулле Куттьк пристроился. Так и провели они ночь.

Открыл глаза утром юноша и увидел перед собой *моджесь нызан* — красивую женщину. Говорит она ему:

— Этой ночью помог ты мне, рану мою исцелил, скажи, могу ли я чем тебе помочь. Я Разиайке — хранительница оленьих стад.

— Какое счастье, что я встретил тебя, Разиайке. Мой род гибнет на острове Чуэлльм-суэл, — и Пулле Куттьк рассказал все, что видел и знал, почему он здесь.

— Я помогу тебе, Горячее Сердце, через месяц и три дня жди меня здесь, я приду за тобой, — сказала она и исчезла.

Через месяц и три дня, поздно вечером Разиайке в облике оленя вновь пришла к юноше, вскочил он на нее и понесла она его к роднику.

— Бери воду Земли-Матери, Пулле Куттьк, сегодня она дает мертвую воду, чтоб убить зараженные болезнью места, но летом Мать-Земля подарит воду живую, и она сможет поставить на ноги твою родню. А сейчас садись мне на спину, я отнесу тебя к твоему чуму. Летом ищи Тала, он укажет тебе путь к роднику, меня в это время не будет здесь.

Прошла зима, весна, наступило лето. Как-то, охотясь, чтоб прокормить себя, юноша услышал страшный рев в лесу, сначала он испугался, а затем решил все же посмотреть, чей это крик? Идет, видит медвежонок вокруг ямы бегает. Заглянул в яму, а там Талл, попал он в яму, а выбраться не может. Что же делать, как помочь, как Тала из беды вызволить? И придумал Пулле Куттьк. Пошел искать дерево, какое поваленное. Нашел, позвал медвежонка, вдвоем они и подтащили его к яме, а затем и спустили туда. Вылез Талл наверх и говорит:

— Чем я смогу отблагодарить тебя, оллмэ, за твою доброту?

— Покажи мне Талл дорогу к роднику, моему племени живая вода нужна, чтоб выздороветь.

— Что ж пойдем, — говорит Талл, — мы как раз туда направляемся.

К роднику они пришли на седьмой день лета, медведи напились воды, а Пулле Куттьк набрал ее в *нымьп яммпрэ* — второе берестяное ведро, и медведи помогли его донести до чума, где у Пулле Куттьке была припрятана в ямпрэ мертвая вода. Подобрал пожитки свои юноша, за плечи закинул и поспешил к родному острову.

Тяпаска и Вуагэшк ждут не дождутся Пулле Куттьк, а как его живого и невредимого увидели, обрадовались.

Оллмэть всем сначала мертвой воды по глотку выпить дали, а затем и живой напоили, и так на протяжении *кыджемь пеййве* — семи дней делали, поставили оллмэть на ноги. Оллмэ не переставали благодарить Пулле Куттьк, Тяпаску и Вуагэшк за то, что они род их спасли. С тех пор Чуэлльм-суллэ оллмэ никогда не пускали колдунов на остров свой, на много веков обман колдуна они запомнили. Весть о той трагедии все становища обошла, и нарекли люди дальний остров *Нуэйт-суэл*, что означает Остров-колдун.

КАК ДУХ ТУНДРЫ ОСЛУШНИЦУ НАКАЗАЛ

Однажды в чуме допоздна засиделись за рукоделием девицы-лопинки, а мать им наказывает:

— Доченьки, пора спать ложиться, неровен час дух Тундры придет, заберет вас.

— А мы, *яннъ-ням* — матушка, под *ровушку* — меховое одеяло залезем быстренько, он и не догадается, что мы не спим, — сказала *пуаррса вуэррьпень* — старшая сестра.

— Да, нет, *мун нийтням* — моя доченька, дух видит, кто только что лег, а кто давно спит. У сонного человека всегда капельки пота на лице появляются, когда он спит. Духа Тундры не обмануть, — пояснила мать.

— Ладно, яннъ-ням, мы ложимся уже, — сказала, убирая свое рукоделие, *нура вуэррьпень* — младшая сестра.

— Спи, яннъ-ням, мы тоже ложимся, — следуя примеру младшей сестры, сказала *кэсскса вуэррьпень* — средняя сестра.

— Вы ложитесь, а я, как только закончу *пуагкнян* — пояс, сразу лягу, — не обращая на сестер внимания, сказала старшая.

Вышивает она пуагкэнь, не замечая, как время летит. Вот уж полночь подходит, тут вспомнила девушка слова матери, испугалась, стала раздеваться.

Хитрая была пуаррса вуэррьпень, она себе лицо водой побрызгала и легла спать.

А в ту самую пору дух Тундры проверял, все ли спят и нет ли ослушников. Заглянул

и в чум, где жили сестры с матерью, смотрит, крепко спит женщина, не стал тревожить ее. Посмотрел на девиц: двое разметались на меховых одеялах, а та, что помладше, в комочек свернувшись лежит. И решил он испытать эту девицу. Схватил ее на руки и вынес из чума.

— Вот за то, что ты долго засиживаешься, накажу я тебя и злым духам отдам, — сказал девушке дух Тундры.

Ниййт — девушка отвечает ему:

— Я давно уже сплю, дух Тундры, и злых духов не испугаюсь, сонным они не страшны.

— Не притворяйся, девица, хочешь меня обхитрить, да только я хитрее тебя, — сказал дух и понес *ниййт* к болоту.

— Дух Болота, я тебе девицу принес, испугай ее так, чтоб неповадно ей было ночью долго засиживаться.

Выплыл дух Болота из своей трясины и стал в разных страшилищ превращаться. Все ближе он приближается к девушке, тянет к ней безобразные руки, да только ниййт не боится его совсем.

— Уходи в свою трясину, Болотный дух, ты смешной и не страшный совсем, не боюсь я тебя, меня сон бережет.

Болотный дух задрожал и от ее слов стал рассыпаться на капли и исчез совсем.

— Ишь ты какая смелая, — удивился дух Тундры, — только я все равно тебя проучу.

Принес он девушку в черный лес и зовет:

— Дух Ночного Леса, явись-ка сюда, испугай эту красавицу.

Появился дух Леса, стал деревьями скрипеть, ночными птицами кричать да охать, тенью пугать. А ниййт опять говорит:

— Не боюсь я тебя, дух Леса Ночного, я сплю сейчас, и тебе не испугать меня, лучше возвращайся в кусты к себе, а то солнце выйдет, а ты не заметишь и сгоришь под лучами его.

Дух Ночного Леса задребезжал и исчез в темноте.

— Ну, девица, молодец, и этот дух не испугал тебя. Посмотрим, как ты справишься с духами Силы Нечистой.

— Я сплю, дух Тундры, а ты во сне пугаешь меня, это не честно.

— Не испугаешься и этих духов, больше я тебя никогда не потревожу уже, знай это.

Позвал дух Тундры духов Нечистой Силы. Налетели те, вокруг него прыгают, рожи строят. Все такие страшные, злые, ручищи да лапищи корявые тянут к девушке, хотят ее схватить. Даже во сне поежилась ниийт, но все же нашла в себе силы и прогнала их от себя.

— Духи гадкие, уходите прочь, не мешайте мне спать. Скоро *Пейив* — солнышко на землю придет, всех вас сожжет.

Исчезли со словами нийт духи Нечистой Силы, и говорит ей дух Тундры:

— Убедила ты меня, девица, и за то, что пугал я тебя во сне, дарю оберег, чтоб все, что ты ни задумала бы сделать, все у тебя получалось, он тебя от беды и болезней убережет, носи и вспоминай иногда меня, духа Тундры.

Младшая сестра проснулась, слышит матушка уже котелком гремит, огонь разводит, выползла из-под полога и стала ей помогать. Тут и сестры ее поднялись, сели все чай пить. За чаем и рассказала ниийт свой сон, а дойдя до оберега в рассказе, взялась за шею и почувствовала под рубахой у нее

что-то висит, вытащила, а это он и есть, подарок духа Тундры.

— Значит все так и было, нийтням, как ты рассказала. Хорошо, что ты спала и не боялась во сне, — сказала мать.

Старшая сестра в душе порадовалась, что так ловко духа Тундры обманула.

И вновь на тундру ночь спустилась, и вновь мать с младшими сестрами спать легли, а старшая сидит, рукодельничает. Дело к полночи, она лицо водой сбрызнула и в рову залезла спать.

Дух же решил теперь испытать среднюю сестру.

— Спишь ли, моджесь нийт? — спрашивает он ее.

— Сплю, дух Тундры, — отвечает кэсскса вуэррьпень.

— Вот это мы и проверим, — и понес девушку к духу Болотному.

Не испугалась девушка духа Болотного, а при встрече с духом Ночного Леса лишь вздрогнула. Туго ей с духами Нечистой Силы пришлось, стала она во сне кричать. Испугалась так, что пришлось духу Тундры тех поскорее отослать.

— Что ж ты так испугалась, моджесь нийт, хорошо, что еще не проснулась, иначе духи бы враз одолели тебя.

— Зачем ты меня мучаешь, дух Тундры? Отпусти ты меня к матушке в чум, — взмолилась девица.

— Так ведь ты в чуме на рове спишь. Вот возьми-ка от меня подарочек — пояс, будешь носить его, и все твои страхи уйдут. И накрепко запомни еще одно: никому не давай себя во сне победить, умей себя защитить, а иначе наяву худое цепляться к тебе начнет. Прощай, не поминай лихом.

— Прощай, — сказала девушка и проснулась в тот же миг.

Смотрит, а в руках своих крепко пояс держит она. Вспомнила сон, обрадовалась. Матушке и сестрицам рассказала все и пояс, подарок духа Тундры показала.

— Может так случиться, дочь моя старшая, дух Тундры сегодня за тобой придет, спать пораньше ляг, чтоб не испугаться во сне, — сказала, переживая за дочь, мать.

— Хорошо, яннъ-ням, — пообещала матери пуаррса вуэррьпень, а сама и не заметила, как снова допоздна засиделась за рукоделием.

Только она легла, пришел дух Тундры за ней.

— Ну что, девица, две ночи ты меня обманывала, думала не смогу отличить я воду от пота? Сестры твои послушницы, потому и духов не убоялись, и подарки от меня получили, а ты и сейчас не спишь, притворяешься.

— Прости меня, дух Тундры, засиделась за рукоделием я, — взмолилась старшая сестра.

— На то день есть. А чтоб неповадно было тебе обманывать, я беру тебя к себе в работницы и наказанье это тебе на три года даю, если и после этого не поймешь ничего, всю свою жизнь в работницах у меня проживешь.

— Прости, дух Тундры, — плачет девушка.

— Отработаешь, прощу, хорошо отработаешь, награжу, больше нет разговору у нас с тобой.

Подхватил он девицу и понес к себе. Так дух Тундры наказал ослушницу.

СУДЬБА, ВЫПРОШЕННАЯ У ИММЬЛЕСЬТ - БОГА

Иммьлесьт лев алльк я нийт — у Бога были сын и дочь. Жили божьи дети в небесном чуме и мечтали никогда не расставаться друг с другом. Но вот Иммель решил просватать их. Вызывает к себе и говорит:

— Дети мои, вы уже взрослые, пришло время выдать вас замуж и обженить. Нашел я тебе, Пеййв, невесту среди планет, имя ей Лебедь, а тебе, Манн, в женихи хочу посватать Сириуса.

Заплакала тут *Манн* — луна, запричитала:

— В чем мы, батюшка, перед вами провинились, что хотите вы нас с братцем Солнышком разлучить? У нас есть мечта единая — на одной планете жить и друг друга во всем поддерживать.

— Но где же взять мне такую планету вам, дети мои, чтоб на ней жениха сыскать да невестушку?

— А вы подумайте, подумайте, батюшка, поищите. Может, и найдете что подходящее, — поддержал сестру Пеййв.

— Хорошо, дети. Раз такое у вас желание, я готов пойти на уступки.

Стал Иммель думать, вспоминать планеты разные, открыл книгу свою небесную и увидел в ней планету подходящую, на две части разделенную, и подумал: «Вот то, что детям моим надобно». Вызвал их к себе и сказал:

— Нашел я планету вам, под общим названием Земля. Есть у Земли дочь Южанна на выданье, есть и сын молодец, что Севером прозывается. Познакомьтесь с ними и, если милы они вам, заключу я с Землей вечный союз.

— Ах, отец вы наш великий Иммель-айя, рады мы тому, что вы предлагаете и согласны с вашим решением.

Иммель и Земля сыграли детям свадьбы пышные. И зажили привольно и весело Пеййв с Южанной, Манн с Севером.

Через время родила Южанна Пеййву двух близнецов, мальчиков, и назвали они их Белый День и День Солнечный, а у Луны родилась одна дочь, и назвали ее Ночька Полярная.

Росли пареньки быстро и весело, частенько тетю проведывали, что не скажешь про Ночь Полярную.

Нелюдимой она росла, застенчивой, никогда не ездила она в гости к Пеййву — к дядюшке и боялась его, как огня.

Вот однажды Луна, гостя у братца своего, порадовалась изобилию растительности, множеству плодов, птице и зверю разному.

— А у нас нет совсем всего этого, возлюбленный мой братец. Мой муж Север тем и славен, что умеет пургу напустить или снегом завалить, засыпать все и вся. Дочь нелюдимой растет, неласковой. При порядке таком, где уж чему-то у нас вырасти.

— Что ж ты раньше, сестрица моя, на заботу свою не пожаловалась. Ведь у нас два сына уже взрослые. И когда светим мы все, жара и сушь стоит невыносимая, и то, чем только что восхищалась ты, погибать начинает. Поэтому вот что я тебе скажу, сестра: буду я к

тебе сына своего Белый день месяца на три посылать, сам начну почаще заглядывать, глядишь, и тебе польза выйдет, и нам от жары облегчение.

— Как уж хорошо было бы так, братец мой Солнышко.

Как решил Пеййв, так и сделалось. На все лето уезжал Белый День к тетке гостить, а отец частенько наезжал его проведывать, хорошо ли сын его там справляется. И чем чаще Солнце сына навещал, тем обильнее урожай был у Севера и Манн.

С шумом таял снег на озерах и реках весной, цвел багульник, из земли трава пробивалась, зрели ягоды. Птицы бойкие птенцов высиживали, из-под мха появлялись грибы головастые. Так в *чар* — тундре жизнь за лето короткое расцветала красками радуги.

Душа Луны ликовала теперь, ведь и ее часть планеты, хоть на не долгие три месяца, но превращается в прекрасный цветок.

Белый День старался светить: понимал он, что за время его пребывания здесь все должно успеть расцвести и плод принести. Знал Белый День, что как время его закончится, выйдет сестра из укрытия, и все вновь во тьму холодную обратит.

И точно: как только лето кончалось, вновь из чума Ночка выглядывала, торопя братца Белый День отправляться домой и поглощая все в темноту свою. Ее время приходило хозяйничать.

Ничего не поделать тут, коль у Луны и Севера такая дочь уродилась. Отец очень любил свою доченьку Ноченьку, забавлял ее снегами да вьюгами, заставлял нянек Метель да Пургу песни ей петь колыбельные.

Так вот и по сей день брат с сестрой Пейив и Манн на планете единой живут, одна замужем за Севером, другой на Южанне женат. И ни один из них не пожалел еще, что такую судьбу у Иммель-отца выпросили.

КАК ЯГОДЫ В ТУНДРЕ ПОЛУЧИЛИ СВОИ ЦВЕТА

Когда *Иммель* — Бог посыпал землю семенами ягод, на южной части он загляделся на деревья, которые раньше высадил и которые выросли великолепными исполинами, и нечаянно просыпал почти все семена. Осталось у него всего пять семечек. Делать было нечего, кинул он их в чар еммьне и решил посмотреть, что будет дальше.

Семена взошли и цветами раскрываться начали, и вот тут задумался Иммель-айя: какой же цвет придать ягодам? И пришло ему на ум позвать своих детей на помощь.

А дети у него были Солнце — *Пеййв*, Вода — *Чадзь*, Земля — *Еммнэ*, Небо — *Алльм*.

— Вот, дети мои, что хочу я вам предложить. Надо ягодам разный цвет придать, так как мало семян на эту часть у меня осталось. Пускай хоть ягоды украсят тундру, и как только появится первая ягода, кто-то из вас ей тут же цвет пусть свой придаст.

Внимательно всматриваются в завязи дети Бога, никто не хочет своей удачи упустить. Да слишком уж затянулось ожидание. Ждали, ждали и решили немного передохнуть.

Только они на отдых устроились, в это время ягодина первая взяла и разорвала свою чашечку. Заприметил это луч солнечный и вошел в нее, осветив ягоду, словно маленькое солнышко вселилось в нее. На-

лилась соком янтарным ягода — того гляди лопнет на глазах у всех.

Такой ее и увидел *Иммель* — Бог. Пеййв назвал ягоду *лумь* и, конечно, морошка всем понравилась.

Ждут, пождут дальше дети, а с ними и отец их, Бог. Терпение их вознаградили сразу две ягоды. Небо глянуло на одну из них и голубизной своей обрызгало, имя дав ягоде *ухкькмуши* — голубика.

А когда Чадзь вторую заметила вместе с *Эльмень* — Небом, они синевы добавили

и название ей дали *сарръ* — ягода, что в народе стала черникою.

Тут гора ревностно тень отбросила, заслонив от всех свою ягоду, превратив ее в черный глаз. *Чуммнэшш* — ягода под горой рассыпалась, в себе сок накопив освежающий. Птицы, звери — все любят испить ее, а больше всех она вороне понравилась. Слетела птица в заросли и давай ягоду с веточек общипывать, да так ловко она это делала, что самого Иммель-айя рассмешила.

— Вороника, вороника! Пусть так зовется эта ягода.

Пока они за вороной наблюдали, про пятую ягоду забыли совсем, а у той колокольчики все висят, да висят, и не хотят совсем превращаться в ягоды.

Бежал олень — *шурр урть миллтэ* — по большой горе, поранил об камень ногу свою, но в горячке бега не заметил олень, как кровь его на ягоды капала. А когда гора превратилась в прекрасный ковер, она

обратила на себя внимание. *Руппсесь* ягода на горе появилась. *Иммель* — Бог на оленя с удивлением посмотрел, остановил его и сказал:

— Ты нечаянно ягоде цвет крови придал, так назови же сам ее.

Не умел олень слова выговаривать, из горла его лишь один звук вырвался. *Ённг* — звук тот был.

С тех пор стали самь оллмэ называть эту ягоду — *ённг*, что означало брусника-ягода.

Так вот все лето на севере цветут, созревают ягоды, хоть и немного видов Господь Бог дал нам их, зато все основные цвета в тундре имеются, начиная с белых цветков морошковых, листьев буро-зеленых ягодных до *чуммнэшш* — вороньего лакомства.

КАК СИРЬКЕ ЖЕНУ СЕБЕ ДОБЫВАЛ

У одного нойда была дочь красавица, и звали ее Мана. Светлая слава о ее красоте разнеслась далеко по тундре. И многие парни съезжались в погост, где жил нойд Рыг, чтоб только на нее посмотреть, но не пришло ни одному в голову к ней взять да и посвататься. Рыг слыл богатым, хитрым и очень злым шаманом в Лапландии, нийт Мана свою он любил больше всего и совсем не хотел отдавать ее в чужой *коввсэ* — дом жить.

Мана мечтала о своей семье, так как все ее подружки уже были просватаны, одна она оставалась незамужнею. И стала Мана просить *Рыгк ажесь* — отца своего найти ей жениха подходящего.

— Стыдно мне, ажя, в девушках ходить, пора бы и женкой стать, семьею обзавестись, свой коввас ставить. Не гоже в мои лета у отца проживать. Все женки надо мной уже подсмеиваются. Пожалей ты меня, ажя, найди жениха мне.

Нойду нечего на это ответить дочери, и дал он ей обещание, а парням, что пришли сватать дочь его, дал такое задание.

— Кто из вас накинет *сарва чапэхэл* — веревку на шею *ляшшкэм нурь* — оленю, тот и будет мужем Маны.

Парни хорошими *шиг пуазнэххьк* — пастухами были и подумали: чего-чего, а это задание они выполнят.

Хитрющий нойд превратился сам в оленя и в стадо прибежал.

Подошли парни *коанньт пудзэ чудзъе* — к стаду диких оленей и давай высматривать вожака. Увидели они *сарва*, но не признали в нем нойда. И давай кидать ляшшкэм нурь, но ничего из этого у них не получалось.

Опечалилась Мана и поняла, что никто не придет больше к ней свататься. Пришла она к себе и горько заплакала. Слезинки-капли ее в бисер превратились все, пояс можно расшить ими было.

Увидел миску бисера нойд и понял, что дочь его плакала, стал ее утешать:

— Ничего, ниййт Мана, на что тебе женихи неумные, лучше будь мне помощницей. Научу я тебя всему, что сам знаю-умею, и будешь ты жить, горя не знать.

— Надоело мне, аджя, колдовство твое и свое волшебство надоело уже. Даже плакать не умею я, как все, заместо слез бисер падает. Я хочу быть, как все девушки, понимаешь как все. Лучше б я родилась уродкою, давно бы замуж ты меня отдал и детишки мои в коввсэсе, бегали.

— О чем, дочь моя, ты сожалеть вздумала или хочешь, как *янна* — мать твоя умереть и *явьр туэгка* — за озеро уйти. Разве ее жизнь лучше была, чем у первых жен моих Вигк-акесьт и Чазьеннэсьт. Нет, *соаррьм* — смерть ее взяла к себе, и ты того же хочешь? Я ж тебе предлагаю вечную жизнь.

— Не хочу я жить вечно, хочу мужа своего иметь и детишек — сына и дочку.

— Что ж Мана, сама ты себе свою судьбу выбираешь.

— Как же долго мне ждать, отец?

— Сейчас у меня есть дела неотложные.

— Я согласна подождать, аджя.

Уехал нойд Рыг, а Мана одна осталась.

Коавас их в стороне погоста стоял у берега озера. Идет как-то раз Мана к озеру воды набрать, уху варить, видит: прямо к ней лодка плывет, а в лодке красивый молодец сидит. Смотрят они друг на друга, глаз отвести не могут. Тут очнулся парень и первым нарушил молчание.

— Кто ты будешь? — спросил он.

— Рыгкэ нийт Мана я, а ты кто?

— А я *Сирьке, Коардэгк сыйт пуазнэххьк* — пастух с села Вороньего. Можно к тебе посвататься, Мана, или опоздал уже?

— Не опоздал ты, Сирьке пуазнэххьк, многие уже сватались, да удачи никому не было, боюсь, и тебе не будет.

— Что так? — спросил Сирьке.

— Не простой шаман аджя мой, а настоящий нойд, и никому еще не удалось его перехитрить.

— Полюбилась ты мне, Мана, и горько будет мне, если не будешь ты моей женой.

— Ты мне тоже, Сирьке, понравился, и попробую я тебе помочь. Мой отец скоро вернется, и даст он тебе задание сарва дикого поймать. Ты ж, прежде чем идти ловить, скажи ему, пусть он рядом со мной сидит, пока ты будешь выполнять его требование.

— Понял я тебя, дорогая Мана, и все сделаю, как ты велишь.

Вернулся на погост нойд, и пришел к нему пуазнэххьк Сирьке, попросил отдать ему в жены Ману. Нойд улыбнулся пастуху и сказал свои требования.

Выслушал Сирьке и сказал:

— Я готов выполнить все, что ты скажешь, но и ты слово дай, что будешь все это время сидеть рядом с Маной.

— Да, — подумал нойд, — с этим пуазнэгень придется повозиться мне, — и дал согласие.

Приблизился пуазнэххьк Сирьке к стаду. Смотрит, все важенки, как важенки держатся, а одна не такая как все, и самцы принимают ее словно сарва. Понял Сирьке хитрость нойда, недаром же он на много верст лучшим пуазнэгкень славился. Различил он в важенке вожака и накинул ему на шею ляшшкэм нурь. И тут же вместо важенки из веревки стал вырываться сарва.

Подвел Сирьке оленя к нойду и передал ему ляшшкэм нурь.

— Молодец ты, Сирьке пуазнэххьк, хорошо споймал сарва, а теперь посмотрим, как ты с этим справишься. Должен ты мне, паррьн, рыбу с *Ёмьвуаясьт* — ручья принести. Пойдешь через гору Эллвуэйив и, если выполнишь мою волю, будет Мана твоей женой.

— Хорошо, нойд Рыг, принесу я рыбу тебе. На рассвете и отправлюсь.

Слышала это Мана и поняла, что задумал нойд погубить Сирьке. Только ночь опустилась на тундру, прокралась она к озеру, где Сирьке спал и, разбудив его, сказала:

— Вот, Сирьке, возьми эту малицу на медвежьем жиру, одень ее на голое тело, когда Эллвуэйв эл забираться станешь, она тебя выручит. На горе хозяйкой живет первая жена нойда Вигк-аххьк, она может беды наделать тебе. Пурга если на тебя налетит, ты ложись на землю и с места не двигайся, пока силы не изменят ей. Когда стихнет все, продолжай идти. А еще возьми этот платок, если кинуть его, женок много появится.

— Зачем еще женки мне, милая Мана, я тебя одну люблю.

— Сирьке, ты не на простую реку идешь, *Ёаммвуайя* — Ручей мертвых, а хозяйкой там — вторая жена нойда Чазьеннь. Много молодцев утащила она к себе на дно. Боится она только женок. Бери платок, он тебя из беды выручит.

Сказала Мана эти слова и убежала к себе.

Не успело еще солнце из-за сопок показаться, оттолкнул свой карбас Сирьке и поплыл через озеро. Приплыл к горе Эллвуэйив, снял одежду свою, скрутил ее в узел, натянул малицу Маны и стал в гору взбираться.

Нойд тоже времени зря не терял. Развел в камельке огонь и шаманить стал. Явился к нему дух Вигк-аххьк и спросил, что ему надо.

— Через гору твою пойдет пуазнэххьк Сирьке, должна ты его пургой забить, туманом уничтожить.

— Хорошо, муж мой нойд, я все сделаю как ты велишь.

Поднимается Сирьке в гору и думает: и откуда пурге быть, когда лето еще стоит, но стоило ему до вершины добраться налетела на него, откуда ни возьмись, пурга и давай бить да хлестать его.

Тепла малица Маны, не пробиться через нее ветру снежному. Хоть и тяжело идти Сирьке, но он идет. Видит Вигк-аххьк, что не согнуть пуазнэхгкь и еще сильнее рассвирепела, решила его с ног сбить или с обрыва скинуть.

Понял Сирьке, что не справиться ему с силой злой, обхватил он первый попавшийся камень руками и прижался к земле. Как ни старалась Вигк-аххьк, не смогла Сирьке с места сорвать, завалила его снегом в надежде, что замерзнет пуазнэххьк, и решила передохнуть сама.

Почувствовал Сирьке, что под снегом лежит и подивился, как это он холода не чувствует. Лежал, лежал и решил высвободиться, посмотреть, что делает Вигк-аххьк. Стал барахтаться и снег с себя скидывать.

Высвободился, огляделся, все тихо кругом, а раз тихо, значит, пора идти.

Отдохнула Вигк-аххьк и решила посмотреть на пленника своего. Подлетела к тому месту, где его оставила да только того и след простыл. Кинулась вдогонку за ним.

Сирьке уже почти спустился с горы и ничего не оставалось Вигк-аххьк, как туман-туманище на помощь позвать.

Идет Сирьке бойко, но приближается к нему туман. Вот уж земли не видать, а туман все выше поднимается и, опять не

стал судьбу испытывать *пуазнэххьк* — пастух, у земли-матушки защиту себе попросил. Лег на землю и стал выжидать, пока туман сойдет. Хороша малица на медвежьем жиру, любой холод ему нипочем. Так лежал-лежал и заснул.

Видит Вигк-аххьк, что Сирьке крепко спит, покрутилась-покрутилась вокруг него, да и отступила. Полетела к нойду сказать, что не смогла победить и заморозить пастуха.

Сирьке тем временем проснулся и дальше в путь направился. Много он верст прошел и, наконец, приблизился к Ёаммвуайя.

Нойд же, прознав, что Вигк-аххьк ничего Сирьке не сделала, вновь развел огонь и шаманством Чазьень к себе затребовал. Прилетела душа Чазьень и спросила, что нойду ее надобно.

— Поплывет по твоей реке Сирьке-пуазнэххьк, и должна ты его к себе заманить утопить.

— Что ж, муж мой нойд, выполню я твою просьбу.

Взял Сирьке в ближайшем селе карбас и направился по реке за царь-рыбой.

Играет вода за бортом карбаса, искрится, волной завораживает. Засмотрелся Сирьке, тут его Чазьеннь схватила за шею и потянула к себе на дно. Борется молодец изо всех сил, да только чувствует, что не справиться ему самому. Извернулся он, достал заветный платок и кинул его в карбас.

— Придите, женки, на помощь мне.

И в последнем своем сознании увидал в лодке множество женок. В себя пришел уже на следующий день. Видит, держат женки Чазьень за волосы, не отпускают на дно.

Чазьеннь, как увидела, что очнулся пуазнэххьк, взмолилась:

— Помоги ты мне, Сирьке, освободи от женок злых, все дам тебе, что захочешь.

— Хорошо, дай мне тогда царь-рыбу, мужу твоему в подарок.

— Быть по-твоему, дам я тебе царь-рыбу, только вели меня отпустить.

— Не верю я тебе, Чазьеннь, пока рыбы глазами своими не увижу.

Долго ждать не пришлось, и вот уже бьется в карбасе рыба-царь.

— А теперь, Чазьеннь, — говорит пуазнэххьк, — веди нас с женками прямо к мужу твоему Рыгкье.

Через реки и озера Чазьеннь принесла Сирьке карбас Сейтьяввра. Тут Сирьке платочек свернул и исчезли женки Маны. Позвал он нойда и вручил ему царь-рыбину.

Пугк оллмэ — все люди Сирьке победу празднуют, думают, что вот-вот оленей резать надо будет, праздник справлять.

Не рад нойд один.

— Неужели, — думает, — придется ему расстаться с дочерью. И решился на хитрость последнюю. Вышел, Сирьке говорит.

— Все ты выполнил, но осталась самая малость. Не простую девушку ты в жены берешь, не простые тебе задания. Выполнишь третье мое условие — Мана твоя. Знаешь ты, что я нойд и умею превращаться во все, что ни пожелаю. Если сможешь ты меня отыскать, значит будем свадьбу играть. Искать ты меня будешь сутки, и есть у тебя возможность меня три раза назвать.

Вымолвил это нойд и исчез.

Подошла Мана к Сирьке опечаленная.

— Не спеши, Сирьке, отца звать. Ведь, если ты неправильно назовешь, то дух твой войдет в то, что назовешь в третий раз. Если же угадаешь, то погибнет нойд, и его дух в том, куда спрятался, останется. Не хочу я, Сирьке, чтобы ты погиб. Может, лучше откажешься, зато останешься живым.

— Не могу я, Мана милая, отказаться от тебя, должен я угадать.

Сутки с места стронулись, стал Сирьке нойда искать. Побежал в *коанньт пудзэ чудзъе* — стадо диких оленей, но там нет его. Вот уже раз позвал нойда Сирьке, но не олень он, и всего *пуазнэгкесьт* два раза осталось.

Нашла его Мана, развела огонь.

— Не смогу я в этом тебе, любимый, помочь, потому как не знаю, что на уме у отца моего.

— *Толл* — огонь ты, нойд!

Но огонь, как играл языками пламени, так и продолжал играть, а Сирькесьт остался единственный раз нойда позвать, да и на завершение суток всего лишь четверть дня.

Так у огня всю ночь и просидели Сирьке пуазнэххьк и Мана красавица. Выглянуло солнце и осветило скалу над озером. Тут увидели молодые в сиянии солнечном нойда в камне спрятавшегося. И не успела Мана в себя прийти, как услышала крик Сирьке обрадованного:

— Ты — скала над озером, нойд Рыг!

Раздался сильный гром — это дух шамана вошел в скалу горы Карнасурт и остался там в образе человека.

Опечалилась ниийт Мана, все ж отцом нойд ей был. И заплакала, и по щекам ее текли самые настоящие соленые слезы. Погоревала, поплакала, да ведь жизнь свое берет. Люди свадьбу их с Сирьке отпраздновали, и зажили молодые на радость себе и всем.

СЧАСТЬЕ ДОЧЕРИ МЫШИНОГО КОРОЛЯ

На севере, где длинными полярными ночами поет свою песню мачеха вьюга, где за дальними лесами и безбрежной тундрой расположилось *Коардэгк сыйт*, что по-саамски означает село Воронье, жили-были небольшие люди по прозванью лопари. Жизнь их была нелегкой. Солнце не баловало маленький народ своим теплом и светом, и за короткие летние дни лопари должны были выгулять своих кормильцев пудзэть. А длинными холодными зимними ночами женки лопарей поддерживали в коввас саамский огонь — *сызьн тол*.

В этом селе жил пуазнэххьк Вульсе, был он молодым и красивым парнем, но не было у него жены, а нравилась ему больше всех девушек в селе дочка Вуэнньтре Вуэдтар алльк. Вуэнньтре был одним из самых зажиточных пастухов, и не хотел он свою моджесь нийт Энн отдавать Вульсе. Сговорился Вуэнньтре с богатым *Чуэльм-пастхэнь* — пастухом с Салмы и отдал ему свою Энн, тем самым еще больше разбогатев.

Опечалился Вульсе и запел песню печали, и увел свое стадо еще дальше в тундру. Сядет, бывало, на ягель, напоминающий мох, только твердый, и начинает петь. Песня такая грустная, сердечная льется из души Вульсе, что даже пудзэ перестают жевать ягель и начинают прислушиваться.

Вот так однажды, поет песню Вульсе и вдруг видит перед глазами *моджесь нийт* — красивую девушку тундры. Стоит она у

одинокой березки с длинными, распущенными до пят волосами и смотрит на Вульсе.

— Ты кто? — спросил ее Вульсе.

— Я тебе жена, Вульсе, разве ты не почувствовал меня — свою аххьк, Улльян? — отвечает девушка.

— Наверно, это добрый дух Сейда посылает тебя мне в жены. Иди ко мне, милая Улльян, я согрею тебя.

Не захотел Вульсе вести свою ненаглядную аххьк в Коардэгк сыйт, поставил он прямо у березы свой коввас, и стали они жить.

Прошло какое-то время, и говорит Вульсайя Улльян.

— Через день мне придет время рожать тебе сына, и есть у меня к тебе одна просьба, выполнишь ли ты ее?

— Конечно, дорогая Улльян, любую твою просьбу я выполню с радостью.

— Тогда слушай, в коввсас ты не должен будешь заходить *коллм пейв э коллм ый* — три дня и три ночи. Если это исполнишь, жить мы будем и дальше счастливо, и тогда *Иммель-айя векахт* — Бог нам поможет.

Что ж, решил Вульсе, раз аххьк просит, значит, так и надо, и ушел к своему стаду.

День прошел, второй на исходе, переживает Вульсе за свою Улльян, но ничего не поделаешь, слово данное надо держать.

Вдруг явился перед ним *чаххкли* — маленький земляной человечек, который нес в себе злой дух, и говорит Вульсе:

— Эй ты, пуазнэххьк Вульсе, не знаешь, кого ты в жены взял и от кого ты сына ждешь.

— Как так не знаю? — удивился пуазнэххьк, — Улльян моджесь нийт взял я в жены, сам Сейда мне ее для счастья дал.

— Нет, не девушка она вовсе, а *саххплинк*, и, если хочешь в этом убедиться, поспеши *ижянт коввсэ* — в свой дом, и ты там увидишь мышь.

Сказал то чаххкли и исчез, а Вульсе взяло сомнение: если его Улльян-аххьк — женщина, то отчего она запретила ему входить в коввсас три дня и три ночи, а если саххплинк ниййт, то что тогда ему делать. И как правду узнать, коль самому не увидеть? Так, в сомнениях, прошла ночь второго дня, и наступил вечер третьего. Не выдержал Вульсе и пошел в коввсас. Зашел и увидел Улльян свою кормящей ребенка. Обрадовался Вульсе, бросился к жене, стал ее целовать, обнимать. И только тут заметил, что вместо ног у нее мышьи лапы и хвост сзади. Растерялся Вульсе, сел на землю и заплакал.

Подняла на него свои красивые глаза Улльян и сказала:

— Не послушался ты меня, муж мой, не выдержал последнюю ночь, и придется мне теперь до самой смерти оставаться полуженщиной, полумышью.

— Почему же ты не сказала мне всей правды тогда, в первый день?

— Не могла я тебе этого сказать, такое мне условие жестокое было поставлено. Теперь нет смысла все скрывать, так выслушай мою историю:

Саххплинк нийт я, дочь короля мышей. Вот уж много веков живем мы в этих краях, и только раз в триста лет одной из нас позволено выбирать свою судьбу — остаться мышью или стать девушкой. Выпадает эта честь только саххплинк нийт знатного рода. Ты не знаешь, что много веков назад мои родичи — мыши были такие же люди, как и вы, но однажды рассердили они Сейду, сильно обидели, и превратил он все племя в земляных мышей. И только раз в триста лет положено одной из нас стать человеком.

У моего отца нас семь дочерей, и всем хотелось превратиться в девушку, но аджя выбрал меня, потому что заметил мою любовь к тебе. Только ты появлялся здесь, я постоянно выбегала из норы и слушала песнь твою. Когда отец увидел меня плачущей возле тебя, вот тогда он и благословил меня. Но, чтоб оставить мне навек человеческий облик, нужно было при родах оставаться одной коллм пейв э коллм ый, таково было условие. Ты же не должен был знать ничего. А теперь никогда не стать мне *зоабэль аххькень* — настоящей женщиной. Злой чаххкли смутил твой разум, и мы должны расстаться.

— *Милса Улльян, мунн тон шоабша* — милая Улльян я тебя люблю, — сказал Вульсе.

— Я тебя тоже люблю Вульсе, но жить с тобой мне никак нельзя. Я уйду *кухкклэш яввра* — на дальнее озеро, туда ты иногда сможешь приходить ко мне. Я буду выходить к тебе, лишь услышу твой лувьт. Только сыну ничего не говори про меня, иначе горько будет мальчику узнать, что его янна сахкплинк ли.

— А как же я его выращу, ведь ему нужно твое молоко, без него он просто не выживет.

Улльян закатала хлебный мякиш на своем молоке и протянула его Вульсе.

— Этот мякишь заменит ему мою грудь. Знай, я назвала сына Ыллый. А теперь прощай, мой дорогой, — сказала она Вульсе, передала ему ребенка и выскочила ковв-сэсьт.

Еннэ ыгке мэнэ — много лет прошло. Растил Вульсе сына своего храбрым и добрым мальчуганом. Любил Ыллый скакать на оленях по тундре. Бывало накинет он ляш-

шкэм нурь на красивые рога вожака и давай его тянуть на себя. Хоть и мал Ылльй, но силы в нем много, не сойдет с места пока еррьк не будет рядом. Тогда ловко хватает его за рога и мчится на нем по тундре.

И чем взрослее становится Ылльй, тем чаще стал замечать *аджесь* — отца своего печаль, когда тот возвращался с дальнего озера. И однажды спросил отца сын:

— Скажи, ажя, почему ты такой грустный приходишь *яввресьт*.

— Почему, сынок, печален я, что хожу на могилу твоей матери.

— Как мне жаль, ажя, что *янн* — моя мама так рано умерла. Нам ее с тобой так не хватает, — сказал это Ылльй и заплакал.

Обнял его отец:

— Ты уже взрослый, Ылльй, одиннадцатая весна тебе пошла, а у тебя слезы, как у маленького. Ложишь спать, придет новый день и унесет грустные мысли.

Лег Ылльй и уснул. Видит Вульсе, спит сын, и решил аххька Уллыйнэ сходить, рассказать ей о тоске сына.

Проснулся Ылльй и не нашел отца ковсэсьт, побежал к стаду и там его нет. Вдруг увидел мальчуган маленького старичка. Стоит тот поодаль и корявым пальцем своим подзывает мальчика.

Смело подошел Ылльй к старику, тот ему и говорит:

— Ылльй, слушай меня внимательно. Обманул тебя аджя, сказав, что янна твоя умерла, жива она, да только не аххьк она, а саххплинк.

— Моя янна саххплинк? — Она не умерла? Ты обманываешь меня, старик! — закричал Ылльй.

— Если не веришь мне, иди кухкклэш яввра, и ты найдешь там своего отца в объятиях мыши, — громко захохотал старик и исчез.

Молодые ноги у Ыллый, быстро добежал он до озера и увидел там своего отца, поющего самь лувьт и матушку, сидевшую рядом с ним, а вместо ног у нее, увидал он лапы и хвост мышиные.

Заметив сына, испугались родители, прижались еще ближе друг к другу. А Ыллый подбежал к ним, обнял матушку и заплакал от радости.

— Моя Яннъ-ням, почему ты так долго скрывалась от меня? *Мунн тон чофта*

шоабша коаллэш янна! — Я так сильно тебя люблю, дорогая моя мамочка.

Его слезы капали на лапы матери, и на глазах у всех троих они превратились в красивые женские ноги.

— *Пассьпе* тебе — спасибо, сын мой, твоя любовь спасла меня и вернула мне человеческий облик. Теперь я всегда буду с вами и буду любить вас еще больше.

Обнявшись, они так втроем и дошли до своего жилища. Теперь уже ничего не омрачит их жизни. Любовь победила злой дух чаххкли. *Адть чарэсьт толл пуэлл тагесьт* — и горит огонь в камельке чума в тундре и по сей день.

ПОДАРОК ЧАЙКИ

Каждый год на берег озера в *чарр* — тундру прилетала стая розовых чаек. Они освоили это озеро и каждый год в начале лета во мху откладывали свои яйца, и выводили птенцов. На берегу этого озера стоял чум, в котором жили муж и жена. Все было хорошо в их жизни, только одна беда, не было детей. Для женки-лопинки радостью было наблюдать за птенцами чаек, а иногда она и подкармливала птиц.

Однажды, совсем недалеко от их чума чайка расположила свое гнездо и усердно высиживала в нем своих птенцов. Как-то в тундре разыгралась сильная непогода, налетела пурга и не удержалась чайка на своем гнезде, слетела, забилась в кустах, а яйца ее кладки покатились к озеру, прямо на камни.

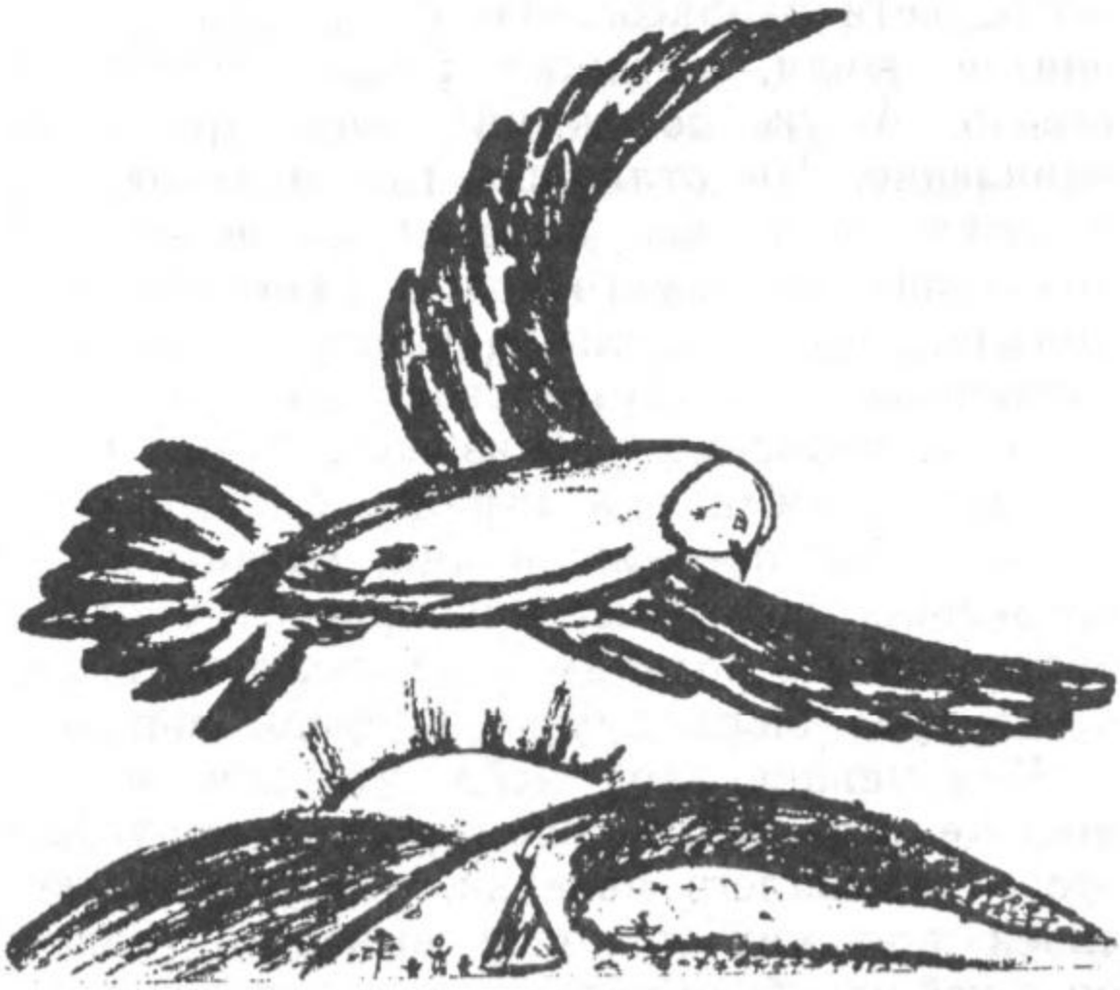
В это время женка укрепляла карбас покрепче, чтоб его не отнесло от берега и увидела, что непогода разоряла гнездо ее любимицы розовой чайки. Одно яйцо разбилось о камни, но два других лопинке все же удалось спасти. Когда погода утихла, женка положила яйца на прежнее место. Чайка их нашла и высидела красивых пушистых птенцов. В конце лета, покидая гнездо, чайки сделали круг над чумом лопинки, прощаясь с ней до будущей весны, и этой же ночью лопинке приснился сон. Во сне прилетела к ней розовая чайка и сказала:

— Женка-лопинка, ты спасла моих птенцов и достойна награды. Проси чего хочешь.

Удивилась лопинка тому, что чайка разговаривала, и все же сказала ей о своей заветной мечте.

— Одного я в жизни хочу, дорогая моя чайка, иметь ребеночка.

— Что ж хорошо, весной твоя мечта сбудется.



Махнула крыльями чайка и улетела, а лопинка проснулась, растревоженная сном, и рассказала его мужу. Оба они подивились сну, но как сказала чайка так и случилось.

Кыдта кухxт парна шэннтэдь: нийта я паррьща. — Весной родила лопинка двойню: девочку и мальчика.

Радости ее не было границ!

Сына назвали *Церьха*, что означало чайка озерная, а девочку *Кайе* — чайка речная.

— Раз уж чайка нам, муж, с тобой такой подарок сделала, пускай наши деточки и имена чаячьи получат, — сказала лопинка мужу и крепче прижала близнецов к себе.

Мать лопинка не могла нарадоваться своим кровиночкам, да и отец-охотник горд был за своих необычных деточек. Жили они безбедно. Хорошим охотником был отец, много дичи приносил, жена управлялась на озере, сети забрасывала, рыбу ловила. Так они и жили, детишки росли справно и весело. А уж похожими были, просто на удивление. Не отличишь где мальчик, где девочка, если бы не косички Кайе, что спускались до самого пояса. Замечала мать лопинка, что ее малыши частенько на небо заглядываются, друзей своих все высматривают. А друзьями у близнецов птицы были разные, с ними они играли, с ними беседовали. Так пробежали дни, месяцы, годы. И решили родители перебираться в становище к своим родичам поближе, дети росли, им нужны были друзья и среди лопинов.

Как увидел злой нойд, что жил в становище, близнецов, поразился и испугался этого небывалого явления, решил у матери своей про них получше выведать. Пошел он к ней вглубь тундры, где она отшельницей жила, но все про всех ведала и знала самые древние тайны, что хранила в себе Лапландия.

Только ее сын переступил порог, она его спрашивает:

— Что, занозой село у тебя то, что лопинка *куте шэннтад* — двойню родила?

— Задело, мать. Не пойму, что за чудо такое в краю у нас. К добру ли, к худу оно?

— И к тому, и к другому, сын мой нойд.

Старая вытащила неторопливо видавшую виды табакерку и стала с удовольствием нюхать табак. Затем долго и смачно чихала. Нойд терпеливо ждал, зная, нельзя мать торопить, а то ни с чем уйдешь. Вытерла старуха концом платка выступившие от чихов слезы и произнесла, сощуря глаза, словно испытывая нойда, сына своего.

— К добру лопинам, к худу тебе. То ведь не просто дети народились, они *лоанньт* душами — душами птиц на землю пришли. И дана им сила большая. Гораздо большая чем твоя. Хотя ни лопинка, ни они об этом еще не знают.

— Я отниму у них эту силу, мать! — прокричал взбешенный нойд.

— Она дана им Иммель-аень, он покровитель их. Тебе с ним не справиться, — покачала головой старуха, — лучше уйди в другое становище. Страшную смерть твою видело мое сердце, тебя погубит твоя собственная злость, сын мой!

— Помоги мне, старая! — прорычал нойд.

— Это не в моей власти. Я сказала тебе все, что знала, тебе решать, как свою жизнь уберечь.

Обозленный на свою мать, на весь белый свет, вышел нойд от старухи. Теперь у него появилась забота, как извести близнецов лопинки.

Тем временем в семье лопинки охотник собирался в лес, а дети просили отца не ходить.

— Аджя, не ходи в лес, там *талл* — медведь ходит, он убьет тебя.

— Что вы, детки, говорите такое, не одного я медведя завалил за свою жизнь и этого, если встречу, положу.

А дети в слезы: «не ходи» да «не ходи» и все тут, даже мать напугали, тоже стала

мужа отговаривать. Только не послушался охотник предупреждения детей, ушел в тундру и сгинул там. Ждала, ждала жена его, да не дождавшись, за ним хотела идти, искать.

— Не ходя *яннъ-ням* — матушка, не ходи родимая, аджа талл убил, птицы нам об этом сказали. Уйдешь — и ты пропадешь. Как мы без тебя, сиротами останемся?

Заплакала мать, но детей послушалась. Весной случилось ей сильно простудиться на озере, лежит в чуме, горит вся, просит детей нойда позвать да соседок лопинок.

Побежал Церьха за нойдом, а Кайе к соседям родичам пошла. Пришли они, сели у входа, нойд к больной подошел. Смотрит, та еле дышит, глаза закатывает и в душе своей черной порадовался. Развел он огонь, шаманить стал, злых духов из лопинки выгонять, да только напрасно все.

Видят дети, мать их совсем плоха, помирает уже, не сговариваясь подошли к ней. Церьха взял руки ее, Кайе положила свои ладони на лоб матери и сказала:

— Не покидай нас, яннъ-ням, мы тебе силу дадим. Птицы сказали, ты жить должна.

Нойд и лопинки, словно завороженные, на эту сцену смотрели, не в силах ни помешать, ни помочь. Дети несколько минут стояли над матерью не двигаясь и не говоря ни слова.

Наконец, больная глубоко вздохнула и открыла глаза. Она с благодарностью и нежностью посмотрела на своих детей и сказала:

— *Пассьпе, мун паррнэ* — спасибо, дети мои. Ваша сила спасла меня, и я скоро поправлюсь.

Дети улыбнулись и крепко прижались к своей матери.

Нойд в позоре выбежал из чума лопинки. После того, как дети на глазах нойда и женок излечили свою мать, в становище их стали приглашать помогать больным из чума в чум. Кайе и Церьха никому не отказывали, они приходили на помощь всем нуждающимся.

Нойд места себе не находил, злоба изводила его. Он думал, как ему уничтожить детей-врачевателей. И придумал. Он обвинил их в колдовстве, в сговоре с птицами. Наговорил лопинам о том, что это не простые дети, а заколдованные птицы, и они хотят все племя лопинов превратить в птиц. Мол, все те, кому помогают Церьха и Кайе через время станут птицами, и только он, нойд, может помочь им. Нойд так запугал людей, что они стали чум лопинки за версту обходить, детей своих подальше от близнецов держать.

— Скажи, яннъ-ням, отчего не любят нас лопины, разве мы худое кому сделали? Мы с Церьха старались помочь им, — спрашивала мать Кайе, а брат ее поддерживал:

— Яннъ-ням, почему они нас *нтэгуэйм* — птицами зовут, оттого, что имена у нас чаячьи, или оттого, что мы понимаем птиц?

— Не знаю, мун паррнэ, скорее всего не виноваты лопины, их нойд запугал. Но вы не должны озлобляться на людей, придет время — они перестанут бояться вас.

Дети всегда остаются детьми и, если не играли с ними их погодки, они играли сами с собой и с птицами.

Приметили это лопины, еще больше наговорам нойда верить стали и бояться близнецов, а дети лопинов в открытую дразнили их птицами залетными.

Не долго помнили лопины добро, сделанное им Кайе и Церьха. Однажды у одной лопинки заболела *удць нийта* — маленькая дочька, ее мать позвала нойда, да только не смог тот помочь девочке и сказал матери, чтоб она готовила дочь свою за озеро на погост.

Заливается слезами лопинка, единственная у нее дочь, не хочет она ее потерять. Когда наступила ночь, прокралась она в чум к близнецам и взмолилась о помощи.

Решили Кайе и Церьха помочь девочке, оставили они ее у себя, а мать домой отправили, чтоб не приметили лопины чего подозрительного.

Совсем маленькой была удць нийта, от роду трех лет, а болезнь к ней большая прицепилась. Целых три дня лечили ее Церьха и Кайе и, наконец, поставили на ноги.

Вот уже в чуме раздается ее звонкий смех, дети с ней играются, а она их во всем слушается. Мать дочь свою только ночью приходит проведывать, не может нарадоваться ее выздоровлению.

Но все же нойд прознал про это, собрал лопинов и стал подстрекать их убить близнецов и исцеленную ими девочку.

Прибежала в чум к близнецам мать девочки и говорит:

— Бегите, деточки, бегите быстрей, вас и мою доченьку нойд с лопинами убить хотят.

Схватила Кайе за ручку малышку, за другую ее Церьха взял и выбежали они из чума.

Заметил нойд убегающих детей и помчался в погоню, а следом за ним помчались лопины.

Бегут *паррнэ* — дети со всех ног, а в догонку летят им угрозы да выкрики нойда

злобного. Удць нийта от усталости и страха заплакала. Загнали недруги детей на гору, дальше пути нет — обрыв. И крикнула тогда Кайе:

— Иммель-айя, защити нас, дай нам крылья, как у птиц.

Кинулись дети с обрыва, чтоб в руки нойда не попасть, и, о чудо! Свободные руки Церьхи и Кайе превратились в крылья, которыми взмахнули они, крепко держа другими руками девочку и перелетели обрыв.

Лопины, поднявшиеся на гору позже, не могли в толк взять, как дети оказались живыми, да еще на другой стороне горы, не разбившись в обрыве. Только нойд, видевший все, кричал, как помешанный:

— Я же говорил они птицы, я говорил: *лоаньт сыйй лев, лоаньт* — птицы они, убейте их, лопины!

Тут, откуда ни возьмись, налетело птиц видимо-невидимо, и давай они все нойда клевать, по клочкам раздирать и в обрыв скидывать. Все, кто видел это, в страх пришли.

Так наказан был нойд друзьями детей-близнецов, так наказано было зло, нойдом содеянное. Потому, как ничто и никто не может сравниться с Иммель-айя силой, и коль взял он кого под защиту свою, не оставит в беде.

Много лет прошло с тех пор, как Кайе и Церьха лечили лопинов, после них у саамов часто близнецы рождались, и уже ни для кого не было это в удивление. Ну а самое главное, после них у саамов много стало появляться знахарей, и совсем не просто приходилось нойдам народ обманывать да запугивать.

КАК ПУДЗЭ-ВИЛЛЬЙ ОЛЛМЭ ИСКАЛ

Ехала по тундре одна семья. Впереди *керрьсесьт* ехал муж, а следом за ним *ижесь керрьсесьт* — в своей *кереже* ехала жена с ребенком, который спал в саамской люльке — *китткмсьт*. Ехали они ночью. Сморил женку сон, и не заметила она как соскользнула китткэмь керрьсесьт и осталась лежать в тундре.

Утром проснулся малыш и заплакал от голода. Но вот чьи-то сильные руки подхватили его и понесли. Был то сам хозяин оленьих стад — *Луот-хозен*. Услыхал он плач, подобрал ребенка и побежал к стаду. Подсунул малыша к первой важенке, и стал мальчуган сосать молоко.

Позвал Луот-хозен к себе Разиайке и велел глядеть за мальчиком. Так малыш стал приемным сыном Разиайке — хранительницы оленьих стад.

Приемная мать назвала *удць парна Пудзэ-Виллый*, что значило брат оленя, и стала его растить.

На молоке важенок рос мальчуган, на мясе оленей. Среди оленей спал, в их шкуры одевался, между оленей согревался в холодные ночи. Хорошо охраняла Разиайке *конанньт пудзэ чудзэ* — стадо диких оленей, скрывала его *меххьцтей оллмэнь* — от саамских охотников. Учила приемыша своего оленей понимать, стрелой и луком владеть, в озере плавать. Научился парень на олене верхом скакать. Ухватится за его рога и несется словно ветер по тундре.

Незаметно пролетели несколько лет. Возмужал Пудзэ-Виллый и почувствовал перемену в себе. Наблюдал он, как осенью гирвас к важенке шел, целый ритуал в танце устраивал, чтоб завоевать ее расположение. Как птицы и звери весной пары искали себе, и уж сам места не находил. Пришел к Разиайке и говорит ей:

— Не могу, янна, понять, что происходит со мной. Голова кругом идет и дышать не могу, кинусь на ягель, а то вдруг стрелой по тундре несусь, и глаза от соленых слез начинают щипать? Может заболел я, скажи, янна, мне?

— Да, мальчик мой, болезнь к тебе пришла, у людей она любовью прозывается.

— Людей? Кто такие они?

— *Оллмэ* — люди в погостах *яввьр и егк рынташ* — на берегу рек и озер проживают

Попрощался Пудзэ-Виллый с оленями, посадила его Разиайке в *вэнс* — лодку и оттолкнула от берега.

— Плыви, мой сын, навстречу своей судьбе и помни, мы любим тебя.

— *Кудтсэ тирвэнь, яннъ-ням* — до свидания, моя мамочка! — крикнул Пудзэ-Виллый и поплыл.

Определенного пути у него не было и решил юноша лечь на дно лодки.

— Куда вэнс мой занесет, там и судьба моя встретится, — сказал сам себе Пудзэ-Виллый и лег.

Долго ли коротко ли плыл он, но вот почувствовал, как вэнс его о камни стукнулся, поднял голову парень и увидел, что приплыл к острову.

Выпрыгнул паррьн из лодки, затянул ее рыннта и пошел *чиннгла суэллъе* — вглубь острова. Видит стоит чум и сидит в чуме старуха — плетет косу. Подошел к ней Пудзэ-Виллъй и говорит:

— *Тиррв, аххьк!*

По саамски это будет значить: здравствуй, женщина.

— Тиррв, Пудзэ-Виллъй, давно тебя жду, хочу за тебя замуж дочь свою отдать, — отвечает старуха.

— А как имя твое, аххьк?

— Мунн ля Оаз.

И на глазах у юноши превратилась она в паука, который доплетал свою паутину. Женщина-паук была страшная, все ближе и ближе подтягивалась она к Пудзэ-Виллье, знала, что у него сердце храброе. И не успел паррьн опомниться, как оказался обмотанным ее паутиною. Стоит он и думает:

«Да неужто такая судьба моя, и это — оллмэ, люди?

А паучиха, окутав его, поползла вглубь острова за своей дочерью. Стоит Пудзэ-Виллъй ждет, что дальше будет.

Через какое-то время приползает Оаз со своею дочерью паучихою. Дотронулись пауки до земли головой и облик человеческий приняли. Как увидел паррьн Оадзэ

дочь, подумал, что уродливее существа в тундре ему не приходилось встречать.

Стоит Оадзэ дочь перед ним, космы черные в разные стороны торчат, глаза недобрым огнем светятся, нос приплюснутый по щекам растекся, а губы толстые отвисли до самых колен. Руки длинные, крючковатые, ногти острые, загибаются и все шевелится в ней, все шевелится.

— Мать Оаз, — спрашивает дочь, — где ты такого красавца выкопала?

— Я его, дочь, у Разиайке приметила и лодку его притянула к нашему острову. Тебе он нравится?

— Кому такой не понравится, настоящий жених.

— Тогда нечего время терять, созывай всю родню и отпразднуем твое замужество.

Вот уж нечисть разная на свадьбу ползет, со всего острова повылазила, и тут вспомнил юноша про *свояоеннь* — свисток янны.

— Оадзэ, хочу я на берег сходить, в озере искупаться перед свадьбой, так мне моя мать Разиайке наказывала, — говорит паррьн.

— Хорошо, сходи, только дам я тебе в провожатые двух болотных жаб, и держать они будут тебя на паутине моей, а она крепче веревки любой.

Сняла Пудзэ-Вильесьт Оадзэ паутину, только на руках оставила и отпустила юношу к берегу.

Идет Пудзэ-Виллый, а позади две жабы скачут. Подошел к озеру, в воду зашел, жабы паутину ослабили, чтоб значит, он руками подвигать мог. А паррьн достал оленью косточку и свиснул в нее.

Вмиг явилась перед ним Разиайке в образе важенки, увидала она сына своего приемного в беде, перекусила паутину на

руках. Обхватил Пудзэ-Виллый шею матери и поплыли они по озеру, только жабы их и видели.

Приплыли к своему острову, вышли из воды, и говорит Разиайке сыну:

— Что, сынок, опять счастье поплывешь искать или дома останешься?

— Передохну немного, яннъ-ням, и опять поплыву.

Прошла неделя, и опять садится в лодку Пудзэ-Виллый. Проплыл злополучный остров и тогда опять лег в лодке.

— Неси меня течение озерное навстречу судьбе.

Совсем немного проплыл молодец, как опять лодку его на камни вытянуло. Остров не остров, маленький какой-то, но все же юноша решил сходить вглубь его, посмотреть что к чему. Видит пень стоит, а на пне *Тшаккалачак* сидит — маленький земляной человечек.

— Тиррв, айя, — говорит паррьн.

— Тиррв, тиррв, Пудзэ-Виллый, давно тебя жду, дочь у меня на выданье, ты для нее хороший жених. Вон какой большой и сильный, и стрелок лучший в тундре. Только такой и нужен защитник народу моему.

— А велик ли у тебя народ, и где дочь твоя?

— А сейчас ты с ними познакомишься.

Зашевелилась земля, и повылазили из земляных нор гномы-карлики, стоило Тшаккалачаку ударить в маленькие, словно в узелках, ручки. И столько их было, что облепили они Брата Оленей по самую шею.

И была среди всех самая ужасная карлица. Лицо ее цвета земли, нос словно в землю врос, в бородавках весь да буграх, живот отвис, глазки маленькие холодные, брови лохмотьями висят, а волос совсем и нет.

Смешно стало Пудзэ-Виллый, что это маленькое жалкое существо ему в невесты прочат.

— Видишь, как дочь моя хороша, — с гордостью говорит старик, — пришло время вас обженить.

— Я не возражаю, — сказал юноша, — да только перед свадьбой мне янна велела в озере искупаться, разрешишь ли Тшаккалачак?

— Раз мать велела, почему не разрешу, иди, да только дам я тебе в провожатые карликов, чтоб течение озерное тебя не унесло.

Идет Пудзэ-Виллый к озеру, а за ним сотни карликов, и все за одну веревочку держатся. Вошел он в воду, свистнул в косточку, и вновь Разиайке на помощь явилась, только теперь в облике гирваса. Увидала она, что ее сын опять в беде, перекусила веревку, ухватился молодец за шею матери, и были они таковы.

— Что, сын, опять поплывешь судьбу искать? — спросила Разиайке на берегу.

— Отдохну месяц и опять в путь отправлюсь, должен же я, наконец, оллмэ отыскать.

И вот в третий раз отчаливает от берега Пудзэ-Виллый. Проплыл он предыдущие два острова и вновь в лодке лег.

— Будь что будет, — решил он.

Два дня лодку носило по озеру, проголодался уже юноша, сел, стал оглядываться, нет ли жилья поблизости и увидел невдалеке множество домиков. Причалил к берегу и пошел к первому чуму. Навстречу ему вышла красивая молоденькая девушка, спросила она его, кто такой и зачем приплыл в их становище.

Пудзэ-Виллый ей все рассказал и девушка сказала ему:

— Я Оанэсь Лукь нийт, сирота, родители мои умерли, и живу я одна, если нравлюсь, бери меня в жены.

— Ты мне очень нравишься, Оанэсь, я согласен быть мужем твоим.

Свистнул он в косточку, явилась Разиайке и спросила:

— В какую беду ты опять попал, сын мой?

— Не в беду, мать, я счастье свое нашел. Благослови меня на жизнь *оллмэ* — людей.

— Будьте счастливы, дети мои, любите друг друга, берегите тундру и всякую живность в ней, не давайте никому в обиду. Не забывайте, что олени есть братья ваши. Будьте счастливы!

КАК ИММЕЛЬ-АЙЯ ВРАЗУМИЛ ЖЕНОК - ЛОПИНОК

Стоит посредине тундры чум, в нем женки пастухов ожидают своих лопинов. Мужья их в эти пору сильно заняты — у оленей отел идет. Сидят женки, одежды шьют, песни поют, детей качают, разговоры ведут.

Говорит одна из них:

— И почему это у важенок, как отелятся они, телята на другой день на ноги становятся и за мамкой бегут?

Другая подружка подхватывает:

— Ага, почему нам, родив дитя, столько приходится возиться с ним да нянькаться, пока оно ногами своими пойдет?

Третья поддакивает:

— А если и на ноги встанет, долго еще спотыкается. Почему Иммель-айя несправедливость такую допустил?

Возмущались, спорили они и пришли к выводу, что надо к самому Иммель-айя идти и ответ с него потребовать.

День идут, два идут, долго идут. Наконец, видят: стоит большой красивый чум. Сам Иммель-айя там живет. Обступили женки *чум*, не смеют сразу все заходить, самую смелую к нему направили спросить.

Зашла лопинка в чум и видит, сидит Иммель-айя, борода седая вокруг него по земле стелится. Глаза внимательные в упор на лопинку смотрят. Спрашивает он ее:

— С чем пришла ко мне, женка пастуха, говори.

Упала лопинка на колени, боится слово произнести. Иммель-айя смотрит на нее, ответа ждет. Подняла голову лопинка и вымолвила:

— Прости нас, Иммель-айя, что беспокоим тебя, но один вопрос нас сильно мучает. Знать мы хотим, почему несправедливость такая в природе допущена между нами и важенками? Почему у важенок теленочки, как народятся, на ножки встают,

а у нас дите в люльке лежит? Год проходит, пока само не пойдет.

Задумался Иммель-айя и ответил лопинке так:

— Разве, женка, ты в этом несправедливость усматриваешь? Сколько раз брачный праздник бывает у важенки? Один раз. Вот от этого сила ее в теленочке скапливается. Согласны вы с ними поменяться? Будут и у вас тогда дети рождаться крепкими да на ноги начнут сразу вставать!

Не может лопинка одна решить такой вопрос, просит разрешение с подружками переговорить. Вышла она к ним и поведала все, что Иммель-айя ей сказал. Подумали лопинки, подумали и решили ответить так:

— Вразумил ты нас, Иммель-айя. И хотим мы, чтоб все осталось по-прежнему.

Господь знал, что все и будет так. Женки к мужьям своим вернулись, и все у них осталось, как прежде было. Потому как все в природе продумано и во всем гармония установлена. За важенкой теленочек по тундре бежит, а женка-лопинка дитя свое в *китткмэсьт* — люльке покачивает да песню поет.

ШУРР КАБПЕРЬ ЛЮБОВЬ

Вы слышали, как переговариваются деревья, какие серенады любви они поют? А как они плачут, видели ли вы когда-нибудь? Мне рассказала эту историю одна знакомая березка, и я вам ее хочу передать.

На крайнем севере нет таких пышных лесов, как на юге. Но и на севере растут красивые деревья, умеющие любить и ценить то прекрасное, что дает им судьба. А еще они помнят боль, которую им приносят люди.

Вот уже много лет *педзь Шурр Кабперь* — сосна Большая Шапка была влюблена в лесную красавицу *Моджесь Кусс* — Красавицу Ель. Хоть они и находились друг от друга на расстоянии, но это им не мешало чувствовать другую душу и обожать друг друга. Их корни давно уже преодолели все препятствия и сплелись в узах глубокой любви и дружбы.

Иногда, правда, Моджесь Кусс ревновала Шурр Кабперь к *Сугкесь Пессьмурре* — Ветвистой Березке, что стояла очень близко около сосны и обнимала его своими веточками. Моджесь Кусс знала, что эта молодая Пессьмурр влюблена в Шурр Кабперь, и ей было не очень приятно, что той выпала судьба быть рядом с ее возлюбленным.

Но Моджесь Кусс опасения были напрасны. Шурр Кабперь любил только ее одну и свои ветви тянул только к ней, совсем не замечая, что внизу страдает другая влюбленная душа.

Когда ветер дул *Кусс чоаррэ* — в сторону Ели, он передавал с ним ей страстные слова любви, пытался своими могучими ветвями дотянуться до ветвей любимой.

— Ты так прекрасна, любовь моя! Я целую каждую твою иголочку! О, какая несправедливость быть так далеко от тебя. Моя страсть к тебе не имеет границ. Я бы прикрыл тебя своим могучим стволом и защитил от всех жизненных ненастий. Скажи, любишь ли ты меня, моя Моджесь Кусс?

— Конечно, возлюбленный мой, я люблю тебя каждой клеточкой моего сердца, каждой моей иголочкой. Шурр Кабперь, я впитываю в себя твой смолистый запах, и он кружит

мне голову. Твои шишки-свечи, так призывно светятся в лучах солнца, что мне хочется их без конца целовать. Спой мне песню любви, возлюбленный мой.

— Какую ты хочешь услышать, Моджесь Кусс, за столько лет я спел их тебе сотни. Что тебе спеть сегодня, любовь моя.

— Спой мне ту, что ты пел, когда мы были совсем юными и впервые почувствовали в своих сердцах любовь.

— Слушай, моя богиня леса, я посвящаю эту песню нашей любви.

И Шурр Кабперь стал петь. Он пел о днях юности, когда молодая елочка впервые обратила внимание на него, совсем еще не великана. Как зимними холодными ночами их дыхания соединялись в воздухе и обогревали друг друга. Как весной, когда сходил снег, их соединяли маленькие ручейки воды. Как однажды в бурю их ветви на один единственный момент сблизились и почувствовали тепло и страсть, и как еще однажды ветер сорвал с его могучих ветвей шишки и бросил их прямо в ладони ветвей любимой. Она долго удерживала их своими ветками. Он пел ей их песню любви, и она была счастлива.

Березка, что прижималась к пядза шурр Кабперь, рыдала от невыносимой тоски и одиночества. Находясь так близко к тому, кого избрало сердце, она была так далека от него. И она завидовала той, которой сейчас пел песню любви Большая Шапка.

Так в песнях и разговорах о любви прошла осень и наступила зима. И однажды Шурр Кабперь услышал скрип снега под шагами и полозьями.

Почему-то сердце защемило, что-то предвещало ему беду.

Послышались голоса.

— Ну что? Эту красавицу берем?

— Пили! Подойдет для центральной площади.

Люди подошли к ели, вытащили жужжащую и свистящую железную машину и дотронулись до его Моджесь Куссе.

Она поняла все. Люди пришли за ее жизнью и сейчас навсегда разлучат ее с Большой Шапкой. Это будет конец их любви, радости и мечтаний.

Она гордо стояла, поборов в себе стенания, молча глотая слезы. Из ее груди не вырвалось ни единого стона, она лишь вся дрожала под напором острого железа, больно врезающегося и отнимающего у нее жизнь.

Шурр Кабперь был так потрясен, что словно помешанный повторял одну единственную фразу:

— Вы не имеете права ее убивать, потому что я люблю ее... я люблю ее... я люблю ее...

Он повторял это до тех пор, пока не услышал треск падающего дерева. Она падала прямо на него. Вот он подставил ей свои мощные ветви и удержал ее. Впервые она находилась в его объятьях. О, как он был безмерно счастлив и как безутешно несчастлив.

Он дышал ее ароматом, ее осыпающиеся иголочки стекали по его ветвям. Для Большой Шапки прошла целая вечность, пока он держал ее в своих объятьях. Но вот Шурр Кабперь почувствовал, как она сползает с его ветвей вниз и падает на снег.

По лесу прокатился его душераздирающий крик и хруст ее ветвей. Даже люди услышали этот крик. Им стало жутко и, быстро погрузив ель, они покинули это место.

Погода, словно чувствуя лесную трагедию, резко изменилась. Поднялся сильный ветер, он буйствовал снежными зарядами. Большой Шапке хотелось умереть вслед за Красавицей Елью.

Он понимал, что на его глазах люди нарушили закон природы. Руку на дерево человек должен поднимать лишь в случае нужды, для дела, а не для праздности. Но и тогда раньше человек просил у дерева прощение за то, что содеет. И вот люди пренебрегли старыми заветами в общении с природой, посягнули на святая святых. Жестокостью, пресыщенностью, праздностью они загубили свой дух.

Шурр Кабперь подставлял ветру свою пышную шевелюру и ветер обрывал с нее шишки, рвал его ветви.

Шурр Кабпре не было больно. Вдруг Большая Шапка увидел человека, того самого, что оборвал жизнь его подруги. Он шел, укрываясь от порывов ветра, что-то высматривая в снегу. Наконец, человек остановился, наклонился и поднял забытый топор.

Большая Шапка усилием воли распрямил свои мощные ветви и подставил их налетевшему ветру. Самая большая ветвь затрещала.

— Посмотри на меня, человек, — крикнул Шурр Кабперь.

Человек, словно поддаваясь гипнозу, поднял на дерево свое лицо, и в этот момент огромная ветвь ударила его прямо в голову.

И вновь по лесу пронесся предсмертный крик.

Он был гораздо жутче первого.

В эту минуту Шурр Кабперь понял, что душа его умерла, и уже ничего больше не интересовало его.

СКАЗКА О ЛЮБВИ

В саамском чуме родилась *моджесь нийта* — красивая девочка. Счастливые отец и мать позвали к себе в гости шамана, чтоб тот сказал им судьбу их дочери.

Явился шаман, огонь разжег и зазвучал его бубен, взывая к духам, а когда стихло все, поведал он родителям:

— Ждет дочь вашу большая любовь к вождю иноземного племени. Придет он завоевывать *чар* — тундру, они встретятся и полюбят друг друга. Это все, что сказали мне духи. Испугались родители, как дитя им свое уберечь, как упрятать от завоевателя. Решили они увезти дочь подальше от глаз людских к лопинке, что жила на дальнем озере.

Вот растет Айла в глуши, ничего и никого не ведая. Подружек и друзей заменили *пудзэ* — олени ей, игрушки — косточки да веточки.

Бабушка ей легенды рассказывает, песни поет, Айла слушает и в свои игры смысл их вкладывает. Разложит она косточки оленьи и начинает игру свою.

— Оахха, оахха, посмотри, эти косточки у меня пудзэ будут, а эта веточка — Айла, я, что на санях по тундре едет, *лавл — песню поет*. А это другие саночки навстречу бегут, на них смелый *мехльцтэй олма* — охотник едет Айлу в жены брать, коввас свой ставить.

— А *оахха* — бабушка твоя Айле оберег в день замужества подарит, — сказала старушка.

— Оахха, что за оберег такой? — удивилась Айла.

— Оберег духа Тундры, мне его дедушка подарил, когда я замуж шла. Он беречь тебя будет в жизни твоей.

— Как интересно, *оахха*, ты мне покажешь его?

— Это не игрушка, Айла, подойдет время, увидишь.

Так и росла Айла, забавляя себя играми, песнями да бабушкиными сказками. Мать с отцом наезжали раз в году, и ждала их девочка, словно праздника.

Старуха, что растила Айлу, полюбила ее, как дочь родную. Так незаметно время прошло и исполнилось Айле пятнадцать лет. Расцвела она, словно морошковый цвет, налилась соком ягоды. Бывало, подбежит к бабульке и отпросится у нее на озеро. Любила девица в жаркий день в воду зайти и омыть свое тело белое.

Как-то раз прибежала *явьр рыннта* — на озеро, одежду скинула и, нежась в лучах солнышка, в воду пошла. Волосы ее русые по воде волной стелются, не боится Айла холодной воды, и не кроется ее тело мурашками.

Вдруг в кустах она стон услышала. На берег вышла, схватила одежду, на себя набросила и поспешила посмотреть, кто стонал. Ей подумалось, может зверь какой поранился, о людях она не думала, потому как их здесь не было. Смело кусты раздвинула и крикнула от неожиданности. С головой разбитой лежал молодец да такой красоты невиданной. Был он роста богатырского и лицом совсем на отца не схож. А Айла только отца своего в жизни из мужчин и видела.

Открыл парень глаза, а они у него голубизны и синевы невиданной. Улыбнулся он ей сквозь боль и вновь застонал. Айла скинула свой *рыбпехь* — платок с головы и обвязала им рану молодцу.

— *Тонн ке ляк?* — ты кто? — спросил парень.

— Я Айла Ылый ниййт, а ты кто?

— Я норгов вождь, имя мое Стейнер.

— *Кассьт тонн еммьне ли?* — Где твоя земля? — поинтересовалась девушка.

— Далеко моя земля.

— А как же ты сюда попал?

— Было у меня войско великое и пришли мы сюда завоевывать чар. Да ваш шаман напустил на войско мое *Мецьхозена* — лешего. Тот крутил, крутил моих воинов и завел нас всех в топь, несколько человек сумели спастись, но и те сгинули. Один я до этого берега добрался.

— Кто же ранил тебя? — удивилась Айла.

— Никто, от голода и усталости я подскользнулся на острых камнях, когда выбирался на берег. Сколько лежу здесь, не ведаю. Очнулся, когда плеск услышал. Открыл глаза и увидел в воде тебя.

Залилась краской Айла, словно брусничный сок, и тихо сказала ему:

— Нельзя тебе здесь больному да голодному лежать, подожди я позову бабушку, мы тебя *мин коввас* — к нам в чум приведем.

Через какое-то время послышалось кряхтенье и появилась перед воином старуха, а за ней и Айла подошла.

Посмотрела старая ему в глаза и, ни слова не сказав, подняла с земли. И откуда у такой силы взялись. Айла тоже помогала ей, сколько могла. Так вдвоем и довели они молодца к коввасу.

Усадила старуха его ближе к огню, принялась рану на голове рассматривать, а парень, почувствовав тепло и запах еды, вновь впал в беспамятство. Старая ножом обрезала волосы с головы, где рана была, и смазала ее медвежьим жиром, потом Айле сказала:

— Много времени был твой пришелец в забытьи, застудился на холодных камнях, да и крови с него много вытекло. Пойду я в тундру, соберу ему свежей травы. Упустим время — помрет молодец.

Ушла бабушка, а Айла хлопотать вокруг молодца принялась. Намочила платок, лицо им обтерла, грудь и увидела, как горит парень весь, бредить стал, колотиться от озноба. Подбросила веток в огонь девушка, жарко стало в коввсэсьт, а вождь никак не согреется.

Прошло три дня, молодой организм со смертью справился и, хоть медленно, но дело на поправку пошло.

Айла Стейнера в тундру гулять выводить стала, оленей своих показывать. А однажды дошли они до озера.

Сели на теплые камушки, в воду уставились.

— Ты красивая ниийт Айла, полюбил я тебя и хочу, чтоб женой ты стала мне.

Наклонила девушка голову и зарделась от смущения.

— Не хочу я причинять тебе, Айла, зла, лишь мечтаю любовь и жизнь с тобой делить. Что молчишь, может не по нраву я тебе, ты скажи, не таись.

Пуще того зарделась девица и все ж тихонько ему ответила.

— Тебе сердце Айлы принадлежит с того дня как я тебя здесь нашла.

Обнял вождь Айлу, притянул к себе и поцеловал в губы алые. Закружилась голова у ниийт, и ничего она уже не помнила, к нему сердцем всем потянулась, согрелась его ласками. Так месяц за месяцем и пролетали дни.

— *Мун коллэш Стейнер, мунн тон шоабша* — мой дорогой Стейнер, я тебя люблю, — шептала она ему. Он шептал ей в ответ:

— *Мун милса Айла, мунн тон чофта шоабша* — моя милая Айла, я тебя еще сильнее люблю.

Приметила старуха, что молодые полюбились друг другу и послала сон матери Айлы, мол, дочь ее полюбила молодца, и что она их с отцом Айлы на озере ждет. Родители про судьбу Айлы ничего старухе не рассказывали, и та добра ради сообщила им радостную весть.

Как узнали они об Айле, прибежали к шаману с поклонами.

— Мы дочь свою на край тундры отправили, от людей спрятали, а она там с

этим вождем и встретилась, что нам делать, как дочь уберечь, скажи.

Вновь разжег огонь *нойд* — шаман, стал с духами разговаривать, а закончив, сказал он родителям — ничего вы уже не измените, никто не властен судьбу изменить, а если что замыслите, не быть ничему хорошему.

Расстроилась мать и сказала мужу своему:

— Обезумел совсем наш шаман на старости, опозорить решил нас с тобой, отец. Схожу-ка я к волшебнице — *Оадзэ*, что она мне присоветует.

Побежала мать на гору, отыскала жилье злой волшебницы и рассказала ей обо всем случившемся.

— Сердцем чувствую ждет ребенка она, раз нойд сказал, что уже ничего не изменить в их судьбе.

Загорелись Оадзэ глаза, и решила она сама посмотреть на вождя чужеземного. Научила мать Айлы, как ее с собой взять, да никому об том говорить не советовала.

Приехали родители на озеро к своей дочери, в подарок привезли ей важенку. Сами коввсэ зашли, а важенку пастись возле чума оставили.

Увидели свою дочь красавицу, увидели молодца, что мужем ей стал, поговорили с бабушкой и успокоились.

Приметила Стейнера и Оадзэ, в облике важенки, и красоту Айлы сумела оценить. Загорелось сердце ее завистью.

Вышла утром мать Айлы перевязать важенку на другое место и услышала от нее такие слова:

— Вот, что аххьк, ты не тревожь молодых, не рушь счастье дочери, забери их в село. Коввас поставь, а меня в виде важенки вновь на гору верни. Если сделаешь, как

я велю, будет дочь твоя счастлива. А теперь пошли Айлу свою меня перевязать на другое место.

— Хорошо, Оадзэ, все сделаю, как ты велишь.

Сказала она Айле, чтоб та подальше в тундре перевязала важенку. Стейнер вызвался было с Айлой пойти, да мать его остановила, помощь, мол, здесь от него требовалась.

Привела Айла важенку, где ягель сочный рос, а сама присела отдохнуть, что-то плохо ей сделалось. Это Оадзэ напустила на девушку колдовство свое, отняла ее облик, а саму Айлу превратила в важенку. Очнулась Айла и не может понять, смотрит и не может узнать.

— Эй, ты, важенка, пошла быстрей домой, — вдруг услышала Айла голос до боли знакомый, вроде как свой собственный и почувствовала, что сама себя больно ударила веткой осиновой.

Только тут поняла девица, что превратилась в важенку, а ее облик кто-то присвоил себе.

Та чужая Айла подошла к матери и велела ей поторапливаться. Одна старуха сидела у огня, не принимая ни в чем участия. Только раз взглянула она на чужую Айлу и все поняла. У Айлы—важенки навернулись слезы на глаза, ей стало жаль оак и ударила она копытом коввас, вызывая бабульку к себе. И ведь бабка верно послушалась. Вышла из ковваса, подошла к важенке, обняла за шею и расплакалась.

Увидела эту картину мать Айлы и решила, что старуха от горя расставания умом тронулась. Затем бабка сняла со своей шеи оберег духа Тундры и на шею повесила важенки.

— Пусть, доченька, бережет тебя оберег моего дедушки, как берег меня, да и память у тебя обо мне останется.

Это Стейнер увидал, подошел к старой и спросил, что это она. Старуха заговорщески ему ответила:

— Не успел ты, молодец, найти, как уже потерял, а вдвойне обретешь, как образуется озеро и придешь ты снова завоевывать чар.

— Что нашло на тебя, бабушка, кроме Айлы никого не надо мне.

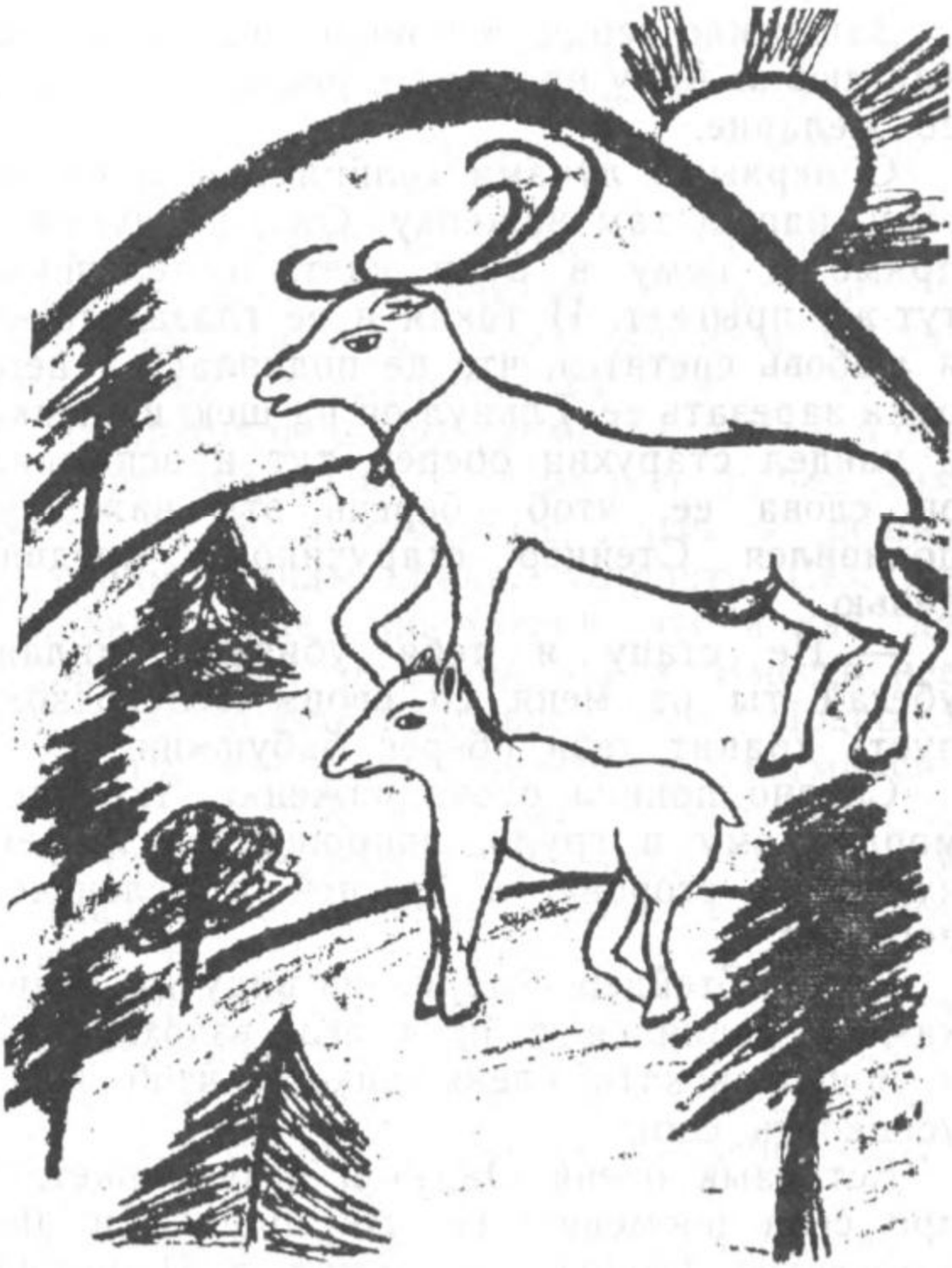
— Ты запомни мои слова и сбереги эту важенку, никому не вели резать ее, даже если твоей Айле надумается, ты схитри, а сбереги важенку, это наказ мой тебе, для тебя же он обернется великой радостью, когда время придет. Прощай, помни слова старухи с озера.

Сборы недолгие, простились и уехали. В селе родители молодым коввас поставили, ну а важенку на гору отправили и забыли о ней.

Живут Оадзэ—Айла со Стейнером, а нет в их жизни радости. Стала Оадзэ мужа пилить, чтоб в Норвегию ее свозил, показал родителей. А Стейнеру не хотелось домой, он в горы повадился на охоту ходить, а заодно спроведывать важенку. У нее пыжик смешной да маленький народиться успел, вот он и занимался с ним, совсем к рукам приручил.

Подбежит бывало тот к Стейнеру и начинает прямо в щеки лизать, и важенка к нему тоже ластится и такое знакомое что-то в глазах ее, что у Стейнера дух захватывает.

Заметила *Оадзэ* отлучки мужа и решила его выследить. Подсмотрела она на какую охоту он ходит и решила извести важенку.



Как-то раз вернулся Стейнер с гор и пристала к нему Оадзэ:

— Что-то ходишь ты на охоту, а толку никакого нет. Ни мясом меня свежим не побалуешь, ни шкуркой новенькой. Я недавно в горах видела важенку, что родители подарили нам, обгулялась она, можно и убить. Хочу сердца ее и язычка попробовать.

— Мало тебе оленей я бью, на что тебе важенка, — грубо ответил Стейнер жене.

— Ты совсем меня разлюбил, муж мой миленький, язычком и сердцем не хочешь побаловать и в Норвегию не везешь.

Защемило сердце Стейнера, вспомнил он, как любил Айлу на озере и решил исполнить ее желание.

С первыми лучами солнца пошел он на гору, нашел там важенку. Она, не пугаясь, прямо к нему в руки идет, и теленочек тут-же прыгает. И такая в ее глазах тоска и любовь светятся, что не поднялась у него рука зарезать ее. Глянул он на шею важенки и увидел старухин оберег, тут и вспомнил он слова ее, чтоб сберечь эту важенку, подивился Стейнер старухиному предвиденью.

— Не стану я тебя убивать, милая, убегай ты от меня со своим теленочком, пусть хранит тебя оберег бабушкин.

Словно поняла слова важенка, ткнулась мордой ему в грудь, попрощалась и метнулась в сторону, а за ней и теленочек побежал.

Когда Стейнер потерял из виду их, точно камень свалился с плеч его, вздохнул он и пошел искать оленя дикого, чтоб жену успокоить свою.

Ест язык оленя Оадзэ и похваливает, а про себя посмеивается. Не прошло и дня затосковал Стейнер и решил в Норвегию податься, потянуло его к берегам родным. Собрались они с Оадзэ и поехали.

Дома все обрадовались ему, не чаяли уж живым увидеть когда, и жена им понравилась Стейнера.

Побежали дни, полетели недели, пронеслись года. Возмужал Стейнер, из молодца в мужа превратился, опять воинским делом занялся, вождем стал. В доме у него все хорошо, только не тянет его домой. Придет на берег моря, на воду уставится и вспоминает озеро. В толк не может взять Стейнер, почему жена его не меняется внешно-

стью, почему детей у них нет, хоть уже восемь лет прошло. Все в ней осталось прежним, только характер еще сквернее стал.

Думал, думал и потянуло его вновь в тундру сходить, собрал он войско свое и отправился, а жену дома оставил, не захотела она из Норвегии уходить.

Стейнер-вождь по саамской земле идет, на гору поднялся и открылись перед ним места до боли знакомые, здесь и решил он своим воинам привал устроить. Сам же в долину пошел, посмотреть что и как, да только долины не сумел найти. Вместо нее разлилось здесь красивое озеро. Подошел к берегу, на камень присел и задумался.

Вдруг толчок в спину почувствовал и чуть было не нырнул в озеро. Обернулся и глазам не поверил своим. Перед ним стояла та самая важенка, а позади нее уже *шурр еррьк* — олень большой. Глаза важенки любовью да радостью светятся, столько в них всего, что и не высказать.

Заныло сердце Стейнера и словно кто-то толкнул его к важенке.

Обнял он за шею ее и стал целовать, приговаривая:

— То ли я свихнулся, то ли бабка с озера, но ведь сердце не обманывает, ведь не просто так все годы я скучал, видно здесь осталось мое сокровище. Ну скажи, важенка, что Айла ты — жена моя милая. Не могу я знать, что тогда приключилось с тобой, но что в образе важенки ты, сердцем я чувствую. Не зря же бабка говорила, что вдвойне буду я счастлив, когда образуется озеро и я приеду вновь завоевывать чар.

Молчит важенка, лишь из глаз слеза выкатилась.

Не выдержал вождь воинов, брызнули слезы его горючие прямо на шею важенки, обожгли они кожу ее, и вновь превратилась она в женщину, а вместе с ней и сын их облик обрел человеческий.

Смеются, плачут они от радости.

— Стейнер, муж дорогой ты мой, как же долго искала я тебя, всю долину тогда обегала и все плакала и плакала. Слезы в воду мои превратились и в конце концов слились в озеро.

— Значит вот она плата за любовь и преданность мне. Как скажи, смогу у тебя я прощение вымолить.

— Не твоя вина, что превратила меня ведьма в важенку. Будем счастливы тем, что вновь друг друга нашли на этом озере. Ты пошли своих воинов, пусть приведут на шаманов суд Оадзэ — ведьму-разлучницу.

— *Ажя* — отец, позволь мне во главе войска твоего идти и сюда привезти обидчицу моей матушки, я уж давно взрослый стал.

Положил руки Стейнер сыну на плечи и сказал:

— Пусть будет, сынок, как ты говоришь, я здесь с женой своей останусь, слишком долго тосковал я о ней, чтобы вновь разлуку терпеть. Коввас мы поставим здесь у озера.

Когда сын Айлы и Стейнера привез на шаманов суд колдунью злющую, подивился Стейнер уродству ее.

Шаман за то зло, что Оадзэ Айле сделала, превратил ее в россомаху — *кеттькень кавесьт*.

Так зло было здесь наказано, а два народа, саамы и норги, стали в мире жить после этого.

ТИРЬМЕСЬ-ЮККС (РАДУГА)

У богини Земли была дочь на выданье. Звали ее Палл Кассв. Красивая была девушка, умная, да никто ей из парней на земле не нравился. Однажды взошла она на высокую гору, чтоб встретить рождение первой травы, и увидела молодца. Молодец тоже заприметил красавицу и с первой минуты влюбился в нее.

— Кто ты будешь *моджесь нийт* — красивая девушка?

— Я — дочь своей матери Земли, зовут меня *Палл Кассв* — Круглолицая, а ты кто будешь?

— Я — сын своего отца Неба и зовут меня *Алльм Алльк* — Небесный сын.

— Что ж ты на земле делаешь, сын Неба? — смело расспрашивала молодца Палл Кассв.

— Я пришел отыскать невесту себе и, кажется, я ее уже нашел, — сказал Альм Алльк.

— И кто же невеста твоя, можно узнать, — полюбопытствовала девушка.

— Ты и есть невеста моя, Круглолицая. Ты мне понравилась, и я выбираю в жены тебя.

— Ишь ты, какой скорый, сын Неба. И меня не спросил, люб ли мне? — возмутилась дочь Земли.

— А разве Небесный сын должен спрашивать? Ты мне понравилась и будешь моей женой.

— Нет, молодец, ты завоюй сердце девушки сначала, а потом предложение делай ей.

— Что хочешь от меня, дочь Земли, говори, я все сделаю для тебя, — сказал Альм Алльк.

— Хочу я, чтобы ты соединил небо с землей мостом красоты невиданной. Вот тогда соглашусь я по этому мосту к венцу небесному идти. По силе тебе мое условие, Альм Алльк? — иронически спросила девушка.

— Что ж, это интересно даже. Сын Неба завоюет любовь дочери Земли. Передай своей матери, чтоб готовила тебя под венец, — сказал молодец и исчез.

— Заволновалось сердце девушки, понравился ей юноша, но уж слишком самоуверенным он был, подумала Палл Кассв: «Надо спесь-то с него стряхнуть». Пришла в чум к матери и рассказала обо всем.

— Большая это честь, дочь моя, — сказала ей мать Земля, — если заключим мы союз с отцом Неба!

Прошло после встречи молодых несколько дней, и вот, как-то утром, выходит из чума девица и видит, поднялся в небо от самой земли мост из хрусталя, а по нему к ней Альм Алльк спускается.

— Что, красавица, нравится ли тебе мой мост?

— Мост, как мост, ничего особенного, — говорит Палл Кассв. У нас на земле на озерах *Мунь* — Мороз такие мосты перекидывает не в пример твоему.

— Обманываешь ты меня, дочь Земли, никому не под силу такой мост возвести, — рассердился Альм Алльк.

— Спускайся сюда, давай попросим мою матушку показать тебе это чудо великое.

Вышла мать Земля, повела по воде озера своей волшебной палочкой и увидел Альм Алльк чудеса из чудес.

Вэдзчалмэнг вэдзчалмне летит — снежинка к снежинке лети, узор плетет. *Куэллт я чурмас* — снег и град падают, возводя небывалой красоты сооружения. Лед воду зако-

вывает в прекрасный мост, и все при этом искрится, серебрится, играет переливами разными.

— Что это? — спрашивает сын Неба.

— Это на землю *Талльв* — Зима пришла, — сказала мать Земля.

— Хорошо, ваш мост не хуже моего, только после этого все равно не откажусь от тебя, Палл Кассв. Я сумею сделать такой мост, какой вы на земле еще не видели, — сказал сын Неба и исчез вместе со своим мостом из хрусталя.

Проходит еще несколько дней, и вновь Круглолицая, выходя из чума, обнаруживает мост, только теперь он из разноцветных камней. Идет по нему Небесный сын, улыбается.

— Что, дочь Земли, хороший мост на этот раз я выстроил?

— Красивый, ничего не скажу, да только красота его холодная, таких красок в тундре видимо-невидимо и ото всех них теплом и жизнью веет, — ответила девушка.

— Значит, не нравится тебе мой мост, — рассердился сын Неба.

— Нравится! Такая красота не может не нравиться, да только души в ней нет, — смягчила разговор Круглолицая. — Иди сюда, моя мать покажет тебе красоту земли.

Вышла мать Земля, повела своей палочкой и стала вода картины рисовать. Вот тундра цветет, ягель узоры плетет и все цвета живут, дышат теплом и светом, не то что бесчувственные камни на мосту сына Неба.

— Да, это красота живая и ни с чем не сравнимая. Нет у меня на небе такой красоты, а значит и не с чего мне тебе этот мост выстроить, Палл Кассв, — расстроившись, признался Небесный сын.

Потеплело на сердце у дочери Земли, и сказала она ему:

— Но ведь тебе никто не запрещал использовать дары земли. Может, ты на ней найдешь то, что необходимо для твоего моста.

— Спасибо тебе, Круглолицая, что надежду оставила мне, об этом я подумаю, — сказал молодец и вновь исчез, а мост в воздухе растворился, словно его и не было.

Ждет Палл Кассв месяц, не появляется Альм Алльк, ждет второй, опять его нет. Расстроилась уже девушка, подумала, что обиделся молодец и больше уж не придет к ней.

А Небесный сын ходит по земле, цвета собирает для своего будущего моста.

Руппьсесь эввьн — красный цвет у ягод тундровых — брусники, клюквы да гром-ягоды попросил. *Ручкесь* — желтый у цветов, что растут на озере и около, да еще добыл цвета морошкого. *Суйн-эввьн* — салатовый у листочков дерна шведского. А *руэнн эввьн* — зеленый цвет с листьев деревьев и травы собрал. *Алехь и чуввесь алехь* — синий и голубой позаимствовал у рек и озер. Ну и последний цвет фиолетовый подарили ему цветы вереска.

Наплел он *кукесь пуагкнеть* — пояса и окрасил каждый в определенный цвет. А пока он цвета собирал да пояса плел, на землю дождь пошел, землю омыл. За это время Альм Алльк работу закончил, встряхнул цветные пояса и перекинул их от края до края земли. Получилась у него *Тирмесь-юккс*, что означает радуга.

Отражается свет в каплях дождя и играет радуга цветами яркими, словно живая вся.

Вышла Палл Кассв из чума и увидала чудо невиданное. Перекинулся цветной живой мост через землю всю, от озера до озера и дошел вершиной своей до неба самого.

— *Яннъ-ням, яннъ-ням*, выйди, выйди из чума сюда, погляди какой мост красоты невысказанной сын Неба сотворил. Неси мне,

яннъ-ням — дорогая моя мамочка, подвенечный наряд, мой возлюбленный дожидается меня на вершине моста.

Снарядила мать Земля свою дочь и благословила на замужество.

Идет Палл Кассв по Тирмесь-юккс, радуется, значит, любовь пришла в сердце молодца, если для нее он чудо из чудес совершил.

Протянул руки сын Неба к девушке и сказал ей, встречая на вершине моста.

— *Тиррв ялак, малса Палл Кассв!* — Здравствуй, милая моя Круглолицая!

— Тиррв, тиррв, Альм Алльк.

— Научила ты меня, Палл Кассв, цвета земли любить, научила красоту ценить и за это *шурр пассьпе* — большое спасибо тебе. И спрашиваю я тебя, согласна ли теперь за меня замуж идти?

— Согласна, любимый мой Альм Алльк, потому что люблю только тебя одного.

Сыграли мать Земля и отец Небо свадьбу детям своим, и зажили они счастливо, а радуга, как вечный символ любви между Небом и Землей, стала появляться каждый раз, как дождь пройдет.

НИЙТА ВОАЦЯ – ДЕВОЧКА ВАРЕЖКА

Яввьр рынтэсьт лев кухxт коввас — на берегу озера в тундре стоят два чума. В одном живет большая семья: и взрослые, и дети. В другом — только пастух со своей женой, сестрой и матерью. Луxxьк — пастух, оленей пасет, хорошо тундру знает. Его мать Парэск — бывалая рыбачка, рукодельница. Луxxька жена — бойкая да работящая, и зовет он ее ласково Вяця. Счастливо они друг с другом живут, да только одна беда, детей у них нет. И последней жительницей чума является Луxxька сестра — Олинк, веселая, бойкая девушка. Живет семья дружно: шьют, обед готовят, оленей пасут да песни поют. И мечтают жена с мужем о сыне — помощнике или дочке — красавице. Да только словно злые силы опутали Луxxька жену.

Это все от того, что за горой живет Вигк-аxxьк, старая и злая колдунья. Ее темные силы много вреда и болезней принесли. Люди знают об этой колдунье и боятся ее. А Вигк-аxxьк хочет совсем Луxxька семью извести, силы темные призывает к себе.

Толл, тонн толл! Чута пуль!
Шурэльт пуль!
Алямп пэйень, тол нюxxчемь!
Нельй гоаррень пуэдтэ пинк!
Роавас, тоавас пуэдтэ, пинк!
Сурвэсь, поасс я тоавсамусс!
Кыррьтэ, мыннэ, Вигк-аxxка,
Нельй гоаррень коапчнэдтэ,
Пуэдтэ мыннэ, векьxегке! —

Ты огонь, огонь, огонь!
Гори ярче и сильней!
С четырех сторон налетите ветры злые
Буйные и сильные!
Спешите ко мне к Вигк-аххка!
С четырех сторон собирайтесь,
Прилетите, окажите помощь
Мне Вигк-аххка.

Колдует, шаманит она, все ближе и ближе к успеху Вигк-аххьк:

В лесу, в тундре, на берегу озера
чум стоит, в нем огонь горит,
и в тепле там семья живет.
Дуйте ветры, затушите огонь,
унесите песню с собой.
Пусть замерзнут люди,
пропадет Луххьк сын Вуэнньтре,
и уйдет с ними род оленеводов.
Мое крепкое слово пусть с вами летит
И завяжет крепче узла силу злую.

Ее черные космы разлетаются в разные стороны, ее крючковатые пальцы извиваются словно ужи, ее лицо выражает столько злости и гнева, что кажется все то, что произнес ее беззубый рот, тут же исполнится. Ее заклинание гибель несет:

Вигк-аххьк — мунн ля!
Вигк туй лыгка.
Аннь тидтэв оллмэ мун тоавас виг,
Мэнн лыгка мунн, ев песьт ни кегк! —

Вигк-аххьк — это я!
Я творю силу темную.
Пусть боятся люди меня,
Что я сделаю, никто не переделает.

Но тут, что-то стало мешать колдовать злой старухе, она стала беспокоиться и терять силу колдовства. А это на тундру пришла *Пейв Нийт* — Дочь Солнца. С ее появлением черные силы расступились, давая простор свету и теплу. Пейв Нийт необычная девушка, своей песней она помогает оживать природе и людям. Она поет о том, что очень любит тундру и украшает ее ковер разноцветными травами, цветами и ягодами. О том, что она узнала *Луххьк пирас баяс* — о семье Луххька и хочет им помочь.

— Знаю я, что у озера в чуме живет семья, хорошие работящие люди, вот им-то я и помогу, сотворю для них свое первое большое чудо, вот мой батюшка Солнышко порадуется.

А в чуме Луххька мать вязала рукавички к зиме. Красивые выходили рукавички, теплые. Закончила вязание Парэск и позвала сына померить их:

— Луххьк, подойди ко мне, примерь варежки. Никогда у меня еще не выходило такой красоты.

Примерил сын варежки, да что-то маловаты они для него получились и позвал он свою жену:

— Вяця, иди примерь варежки, мне они маловаты вышли, тебе будут в самый раз.

Стала мерить варежки Вядзэ, и ей как раз в пору они пришлись.

В это время подошла к чуму Пейв Нийт и стала шептать слова заклинания:

— *Пейв нюл! Пейв нюл! Мун коаллэш вильй! Векьхегке мыннэ!* — Лучи солнца, дорогие мои братья! Посветите в рукавички, что связала Луххька мать, согрейте их, и пусть из них девочка появится.

Погас тут в чуме огонь, и на миг воцарилась повсюду темнота, потом ярко вспыхнул камелек и осветил жилище. У Вядзэ с рук варежки исчезли, а посредине чума стояла красивая маленькая девочка. Все переполошились, разглядывают кроху, спрашивают откуда взялась она:

— Чья ты, *удць нийта*? — Чья ты, малышка? Откуда взялась в чуме у нас? — спрашивала перепуганная, но счастливая Вядзэ.

— *Мунн ля Воаця, тин нийта ля. Ажян-яннан кутькень, поаххк оаххкан кидэнь я юртэнь, Пейв нюлэнь я Пейв нийт вуйнсесьт выйтма ля, тинэть роаммшаахьтэ пудтэ, тин нийта ля.* — Я Воаця, ваша дочь. Я из солнечного света Пейв Нийт родилась, из сердечной мечты мамы и папы я родилась, с теплых бабушкиных рук я родилась и пришла, чтобы радовать вас.

Счастью семьи не было конца. Все очень любили Воаця, баловали. Дни быстро летят, подросла Воаця, стала всем помощницей. Бабушке нитки разматывает, с Олинк песни поет, Вядза помогает готовить, даже Луххьк без ее заботы не остается. То нийта в тундру к нему прибежит, чтоб за оленями посмотреть, то на озеро с ним отправится рыбу ловить.

Однажды Вядзэ послала ее и Олинк в тундру к Луххьку, чтоб хлебцы отнести. Недалеко тот со стадом был, и Воаця с радостью согласилась. Ей нравилось по тундре ходить, со зверями да птицами играть, они ее не боялись совсем и шли прямо в руки ее. Удивлялась Олинк, глядя как Воаця с зайцами да лисами, с дикими оленями и даже с медвежатами играется. Никого не боялась девочка.

Непрестанно наблюдала за ней колдунья старая, ждала когда придет время ее, чтобы девчонку схватить и уничтожить, вот и дождалась. Пропустила она их с Олинк к Луххьку, а когда те обратно пошли, чарами своими напустила на тундру темноту и разлучила Олинк с Воацянь. Ищет Олинк

племянницу, не может найти и повернула назад к Луххьку, чтоб искать вместе с ним.

А Воаця, блуждая в темноте, наткнулась на Вигкакь, та стала запугивать девочку:

— Вот и попалась ты мне, девочка-варежка. Сейчас я тебе устрою веселую жизнь, отдам злым ветрам, пусть унесут тебя подальше от тундры и сбросят в какой-нибудь обрыв.

А Воаця совсем и не испугалась старухи.

— Подумаешь, — сказала она, — напугала чем, ну полечу, посмотрю, что за тундрой есть.

— Ах ты так. Я то думала, ты испугаешься меня, плакать начнешь, может быть, я бы тебя и пожалела тогда, а ты насмехаешься надо мной? Перестань радоваться, я тебе говорю. Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Это я, Вигк-аххьк, самая сильная и злая колдунья в этих местах, а ты, девчонка, надо мной насмехаешься? Перестань, кому говорят, от твоих насмешек у меня сила уходит.

Воаця же продолжала смеяться и дразнить старуху.

— *Выльшехьт ижянт эл, маньтэ тищщай ака ляк. Вигк-ака юррт ли поасс, сонн ли тищщай ака. Вигк-ака юррт ли поасс, сонн ли тищщай ака.* — Посмотри на себя, какая ты смешная старуха. Вигк-аххьк думает, что она злая, а она смешная, Вигк-аххьк думает, что она злая, а она смешная.

Чувствует колдунья как *Воаця гуэйм* — с насмешками Воаця у нее уходит сила, достала зуб щуки и бросила в девочку, попала прямо *Воаця раннта* — в грудь и упала та, как мертвая, закрыв глаза.

— Вот так-то лучше будет, не потерплю, чтоб смеялись надо мной, я все-таки Вигк-

аххьк есть! Спи теперь здесь, пока тебя звери не загрызут, — но не успела она договорить и уйти, как опустила Дочь Солнца свои теплые лучи на тундру, осветила ее всю и сама оказалась рядом с Воаця. Подняла с ее груди зуб щуки и бросила обратно Вигк-аххьк. Как только зуб щуки воткнулся в колдунью она зашипела, задымилась и исчезла. Так от собственного колдовства Вигк-аххьк и погибла.

Пейв Ниййт помогла подняться Воаце и повела ее навстречу спешившим к ней Луххьку и Олинка. Они, как только увидели Воаця живую и здоровую, стали благодарить Дочь Солнца:

— *Шурр пассьпе тоннэ, шурр, шурр пассьпе.* — Большое спасибо, большое, большое спасибо, Пейв Ниййт. Ты нам Воаця подарила и теперь ее спасла от злой, вредной колдуньи Вигк-ахесьт, мы никогда тебя не забудем и всегда будем рады тебе.

Дочь Солнца обняла Воаця и сказала ей:

— *Воаця, ель тиррвэнь. Моаххтсэл кырьеть кырьйхе.* — Воаця, живи здоровой и веселой девочкой, учись узоры вышивать.

— А кто же меня научит, Пейв Ниййт, если рядом не будет тебя, — спросила Воаця.

— Дорогая моя девочка, как только ты примешься за это рукоделие я мысленно буду рядом с тобой и покажу тебе самые красивые узоры, какие знаю сама. Ты когда вырастишь, научишь этому искусству своих детей, так и пойдут в тундре мастерицы рождаться. А теперь пора прощаться. Вядзэ и Парэск уже заждались вас. Прощай, Воаця, прощайте, добрые люди. Будьте здоровы, — сказала эти слова Пейв Ниййт и исчезла, а счастливые Воаця, Олинк и Луххьк поспешили в свой чум.

СКАЗКА О ТОМ, КАК УММЬП-ЯВЬРЕСЬТ ПОСЕЛИЛСЯ ФИОЛЕТОВЫЙ КОЛДУН И СГУБИЛ ОЗЕРО

Дует осенний ветер, стучится в окно, да только не боятся его дети. Они уютно устроились вокруг своего дедушки и мирно беседовали.

— Айя, скажи, почему мы нынче летом *Ныккешь няльм* — в Щучьей губе не рыбачили?

— А разве вы, дети, ничего не знаете? В Ныккешь няльм поселился колдун Фиолетовый и загубил озеро: переводится рыба, мало стало зелени, и все оно сделалось как молоко белое, а Уммьп-явьр Голубого плаща царь даже не подозревает о нависшей над ним опасности.

— Айя, а кто такой этот царь Голубого плаща? Он что, плащем правит?

— А откуда ты сам узнал про этого колдуна? — посыпались на деда вопросы ребятни.

— Так вот, детки, — стал рассказывать дед, — царь Голубого плаща правит своим подводным миром, а дали ему такое прозвище потому, что он обладал самым замечательным голубым плащом. И если в царстве было все хорошо, плащ оставался

прозрачно-голубым. А стоило чему-то случиться — на нем сразу появлялись пятна. Увидит их царь и сразу тревогу бьет. Мгновенно очистит плащ, и вновь в подводном мире все начинает искриться чистотой, голубизной и светом. А рассказала мне об этом одна кувшинка. Коль вы не знаете этой истории, я вам ее расскажу.

Была у царя Голубого плаща дочь *Кайенч* — Золотой Волос. Красивая была Кайенч, невеста уже. И вот появилась у царя мечта найти ей хорошего жениха. Царь очень любил свою дочь, но того не знал, что у нее есть уже жених. Был то молодец *Инцэсь Чувв* — Утренний Свет. Частенько парень встречал свою Кайенч на том или ином *явьр рынтэсьт* — берегу озера. Они много часов проводили вместе, любуясь озером и светом белым.

Как узнала Кайенч о решении отца своего, прибежала к нему с мольбой:

— О, справедливейший из всех правителей, отец любимый, не губи дочь свою, не нужны мне женихи, аджя-царь, потому как есть у меня уже любимый.

— Кто ж удостоился любви твоей, дочь моя ненаглядная?

— Дорогой отец, этот молодец Инцэсь Чувв.

— Хорош выбор твой, доченька, да опоздала ты со своим признанием. Я отправил уже озерных рыб известить о моем повелении.

— Но, отец, что же теперь делать мне?

— Женихов встречать, ведь Инцэсь Чувв на смотрины тоже придет.

В горе, что примыкала к озеру, жил горбатый одноглазый колдун Фиолетовый: грыз он гору и правил ее жителями. И была у него мечта — завладеть озером. Когда прослышал он, что Кайенч — Золотой Волос

жениха выбирать будет, решил моментом воспользоваться, чтобы проникнуть в Уммьпявьр царство подводное.

Загорелось сердце колдуна и захотелось ему заполучить в жены дочь царя Голубого плаща. Частенько видел ее колдун, сидящей на берегу озера, сказочной была красоты девушка, и колдун из своих укрытий наблюдал за ней.

День смотрин настал. Со всех сторон явились женихи с подарками. Отец-царь и все подданные Уммьп-явьр царства собрались в серебряной зале дворца.

Пажи распахнули двери перед Имандра явьр принцем. Преподнес он в подарок Кайенч серебристых сигов. Приняла подношение девушка, поблагодарила принца с Имандры, но уж больше не взглянула в его сторону. Затем Поной-ег-молодец предстал и одарил он Кайенч ожерельем из граната красного. Но ни одна ресничка не дрогнула у Кайенч.

Знаменитый Луявьр лопин семгу красную доставил *моджесь нийта* — красивой девушке со своего озера. Но никто не заинтересовал Кайенч — одного она ждала юношу.

Наконец, распахнулись двери дворца, и увидели все Свет Утренний. Озарил он всех своим сиянием солнечным, а в подарок Кайенч преподнес букетик кувшинок желтеньких и признался ей в своей любви.

Засияло лицо девушки счастьем и дала она юноше свое согласие. Выбор сделан, но за дверями находился еще один жених, добрый царь на радостях и ему разрешил зайти.

Перед всеми появился одноглазый уродец Фиолетовый, увидала его Кайенч, вздрогнула и спряталась за жениха своего.

Извинился перед последним женихом царь Голубого плаща и пригласил колдуна Фиолетового на свадьбу своей дочери.

Загорелось злобой сердце колдуна, и решил он все сделать по-своему — отомстить Свету Утреннему. Наколдовал он непогоду в свадебный день, и не смог жених на собственное торжество попасть. А колдун обернулся Инцэсь Чувв и ни в чем ни бывало на свадьбу пришел.

Подмены даже Кайенч не заметила, увидала Свет и обрадовалась. Гости на свадьбу приглашены были с разных рек и озер, все пожаловали с подарками богатыми.

Прошла свадьба и остались молодые наедине, колдун сбросил облик Света Утреннего и предстал перед невестой в мерзком облике. Как увидела Кайенч горбуна Фиолетового, так и впала надолго в беспамятство.

Колдуну это на руку, он время зря терять не стал, Кайенч память заколдовал, а затем напустил колдовство на все Уммьпявьр, царство подводное.

Наутро встречает царь зятя с дочкою, ничему не удивляется, и ничего не предвещает ему беды, потому как все точно рассчитал колдун. Плащ Голубой царя остался чист, как всегда.

Поселились молодые в Ныккешь няльмесьт, стали хозяйничать, то есть хозяйничал один колдун, а Кайенч целыми днями во дворце сидела, на букетик кувшинок глядела, все пыталась вспомнить, чем же они ей так дороги.

А что же Кайенч жених, Утренний Свет? Он, как только устоялась погода хорошая, явился для встречи с царем и своей невестою. Но велико было его разочарование узнать, что Кайенч уже замужем, и муж у нее Фиолетовый колдун, которого она так испугалась на смотринах.

— Что ж ты наделал, царь Голубого плаща? Зачем дочь свою за нелюбимого отдал, я ее жених. Ты не только жизнь дочери своей загубил, ты загубил свое озеро.

— Что это ты, молодец, мне тут страхи такие рассказываешь, кто неволил ее, сама шла. И зятя моего нечего понапрасну оби-

жать, посмотри на мой плащ — он также чист, как и был.

Тут только юноша понял, что все царство заколдовано колдуном, и решил во что бы то ни стало пробраться во дворец к горбуну и повидаться со своей возлюбленной.

Когда она увидела Свет Утренний, залюбовалась молодцем.

— *Тон ке ляк?* — Кто ты есть? — спросила девушка.

— Я Инцэсь Чувв, разве ты не узнала меня, о моя Кайенч.

— Я не знаю тебя, молодец.

— Любимая, отнял память у тебя проклятый колдун. Ну вспомни, милая, как мы часами сидели на берегу озера, как давали клятву всегда вместе быть. Посмотри на кувшинки, Кайенч, понюхай их, запах цветов солнечных вернет память твою.

Понюхала цветы Кайенч и все вспомнила, бросилась в объятья к Утреннему Свету и горько заплакала.

— Нам не плакать, Кайенч, надо, а действовать. Всю Щучью губу загубил колдун, бросая с горы шелуху ядовитую. Вода белее белого сделалась, рыбы все повымерли. Зараза ползет к сердцу озера.

— Что же мой отец, почему от тревогу не бьет?

— Как и память твоя, так и все царство Голубого плаща заколдовано, а вот как расколдовать его, тебе, Кайенч, надо выведать тайну эту у Фиолетового горбуна.

Унесся Утренний Свет, а Кайенч — Золотой Волос стала мужа своего, обманщика, поджидать.

Когда тот явился, пожаловалась Кайенч ему на головную боль, сказала, что давно на воздух не выходила она, и колдун с радостью решил ей услужить.

Вывел он ее из дворца и стал их владения показывать да хвастаться тем, чего уже успел сделать.

Увидела Кайенч Щучью губу и сжалось сердце у нее от того варварства, какое причинил ей колдун Фиолетовый, но ему не показала она беспокойства своего, а колдун ей хвастался:

— Решил я болото это, что когда-то Ныккешь нялльмень прозывалось, завалить горы моей отходами и построить здесь новый дворец Фиолетовый, а затем на Уммьп-явьр царство пойду, пора отдохнуть твоему отцу, вот только бы кто из его подданных не додумался принести воды родниковой с горы Карнасурт да не очистил ему зрение.

Вдруг он понял, что сболтнул лишнего, посмотрел на Кайенч, на миг показалось ему, что промелькнула радость у нее в глазах, и тут испугался колдун и подумал, что теперь ее ему нельзя оставлять надолго одну.

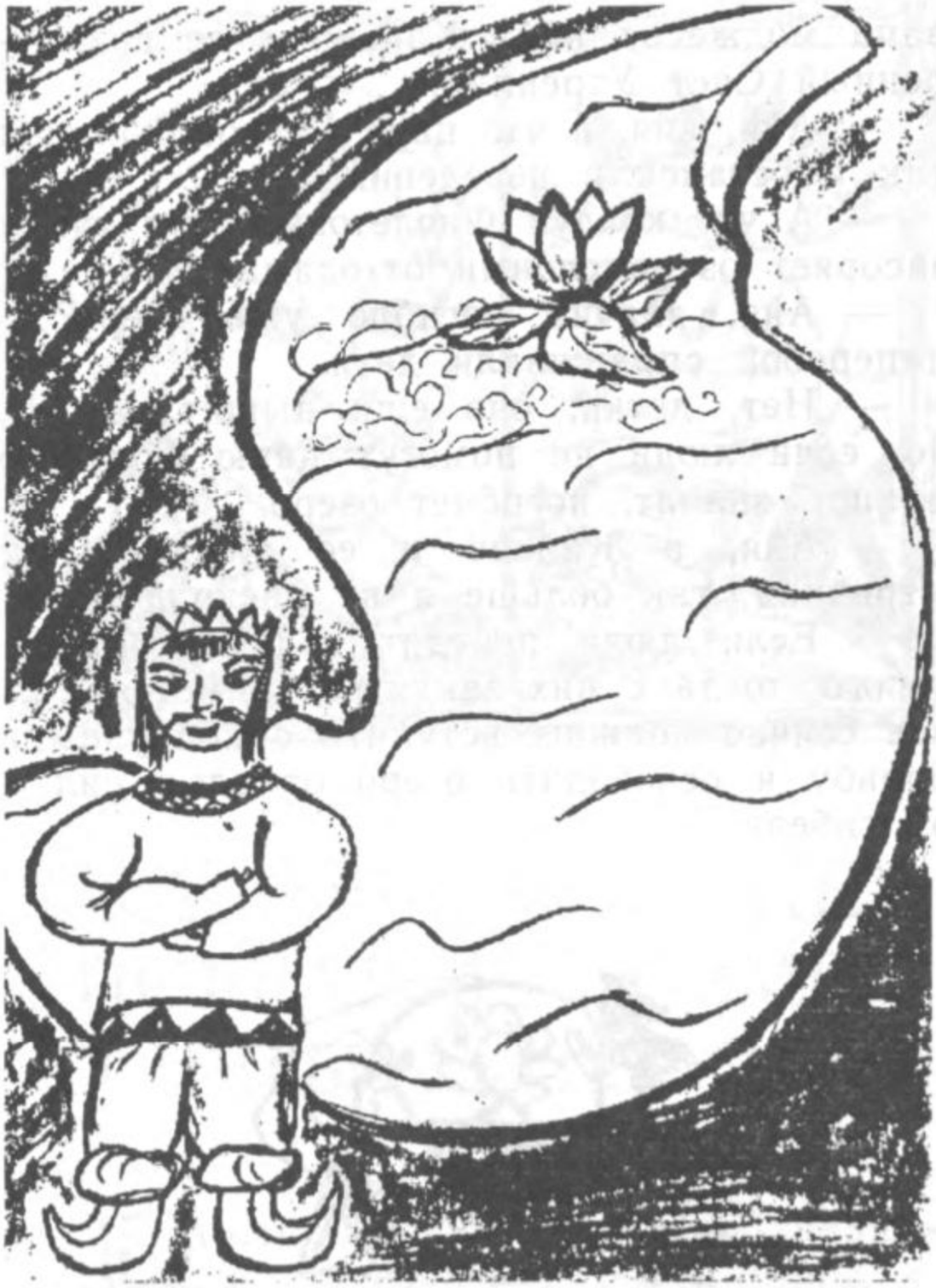
Кайенч же больше ни одним движением не выдала радость свою, только стала с нетерпением ждать, когда колдун в гору уйдет, чтоб дать весточку Свету Утреннему.

Как только колдун покинул дворец, сразу полетела весточка к любимому Кайенч, и он немедленно прибыл к ней.

— Узнала, милый, я тайну ненавистного кодлуна: нужно достать родниковой воды со священной годы Карнасурт и плеснуть ее в глаза отцу моему, тогда колдовство сойдет.

— Я понял тебя, Кайенч, и поспешу за водой, до тех пор не быть нам счастливыми.

Но тут распахнулась дверь и перед возлюбленными заговорщиками возник еще более страшный в гневе своем колдун Фиолетовый.



— Ты, негодная жена, посмела обмануть меня, но никогда тебе не выполнить задуманного, потому как с минуты этой будь ты кувшинкой, одной из тех, что качаются на озере, а ты, Утренний Свет, прибивайся к ней пеной розовой. И только он это сказал, как в единый миг так и исполнилось. И колышится на волне озера желто-золотистая кувшинка, а к ней прибивается пена розовая, и никто из Уммьп-явьр придворных не догадывается, что в их образе заколдо-

вана моджесь нийт Кайенч и ее возлюбленный Свет Утренний.

— Айя, айя, а что царь Голубого плаща так и остался в неведении?

— А что колдун Фиолетовый? Он так и засоряет озеро своими отходами?

— Айя, значит погибло уже озеро? — наперебой спрашивали дети.

— Нет, детки, оно еще дышит, живет, но, если люди не помогут царю Голубого плаща, значит, погибнет озеро.

— Айя, а Кайенч и ее жених, Свет Утренний, так больше и не расколдуются?

— Если люди победят колдуна Фиолетового, тогда с них заклятье снимется. Мы все сейчас должны вступить с колдуном в борьбу и освободить озеро от злых сил и от гибели.

СКАЗ ОБ ОКТЯБРИНЕ, ПОБЕДИВШЕЙ ЗМЕЯ О ЧЕТЫРЕХ ГОЛОВАХ

В самом центре студеной Лапландии в становище *Чальмны-Варре*, что означает «Глаза леса», в саамской *веже* родилась *моджесь нийт* — красивая девочка. В это время в Лапландию часто наезжали разные люди с далеких краев: так случилось и в то время, когда саамская женка родила себе дочку-красавицу. В их веже тоже жил гость — матрос. Думали-гадали отец с матерью, как им дочь назвать. Тогда по всему северу шло поветрие — называли детей не старыми именами дедовыми, а окрещивали именами чудными, современными. Их дочке имя гость-

матрос придумал. Назвал ее Октябриною — необычно и звучно.

— Во всей Лапландии не сыскать будет девушки с таким именем, — сказали удивленные родители.

— Погодите, Октябрина ваша станет еще всему Северу известной. С таким именем нельзя оставаться неизвестной, — пророчествовал матрос.

— Да поди-ка, скажешь ты чего, добрый человек, — еще больше дивились саамы.

Гость уехал, а девочка осталась расти и носить имя небывалое в этих местах. Правда, родители и все родственники ее по-простому звали — Биною. Но имя необычное словно наложило отпечаток на девочку. Все дети, как дети растут — бегают, прыгают, с оленями и собаками играются, а Бина все больше одна сидит или около дедушки своего крутится, все о чем-то его выспрашивает и шепчет, шепчет себе под нос. Молчаливой, тихой росла девочка, пугалась шуму различного.

Родителям, привыкшим к открытым просторам северным, тундровому неумолкаемому гвалту птиц и ручьев, дочь казалась какой-то странной.

Но, несмотря на всю странность свою, Бина была девочкой доброй, заботливой. Родители постоянно заняты, и все хлопоты о младших сестричках и братиках на ее плечики легли. Хрупкие плечи Октябринушки-Бинушки. Мурлыкая себе под нос напевы саамские, она готовила еду, пеленала младшеньких, ходила за водой или по ягоды, вышивала узоры красивые.

Так у нас повелось,
что издревле ни бабки,
ни мамки

Не готовили нам ни дворцов,
ни затейливых замков.
Спали мы на полу —
на траве увядающей рыжей.
Сквозь дырявые шкуры
мы видели звездную крышу.
И лежало за пологом
тундры пространство немое.
Наши стены снегами
ветра бинтовали зимою.
Целый мир был нам домом,
манящим неведомой далью.
Шестерых нас кормила
скупая земля Заполярья.

Так бежало время, и из маленькой Биночки выросла стройная да ладная, веселая да любознательная, живая певучая северяночка. Пришло время выбирать, куда учиться пойти; и не долго думая, пошла она в город большой, во дворец Народов Севера, на отделение книжное. Ох и сказочный был тот дворец: много всего в нем интересного, но более всего любила Октябрина книжки читать. Тут-то и стали сбываться пророчества гостя-матросика. Стала девица стихи складывать, песни слагать, и все мысли ее летели к родному Северу.

Травы детства,
Травы детства
Возле старенького чума,
Нет еще такого средства,
Чтоб забыть ваш запах чудный.
Унесет водою талой
С вешних пожен пыль и мусор,
Вы в июне прорастали,
Как проснувшаяся муза.

Многим парням нравилась простая саамская девушка, бесхитростная, умная, и

многие к ней сватались, просили остаться с ними в большом городе; но только народ северный чудной, своей холодной Лапландии никак не хочет менять на большие города.

— Ну что ты все на свой Север рвешься, чего там хорошего? — спрашивала подружка Октябрину.

— Как понять ты не можешь? Ведь там моя родина! Да и душно мне в большом городе, словно не хватает воздуха. Не то что дома у нас, тундре конца и края нет, дыши не надышишься. Домой, домой и только домой, и не уговаривай, подруженька.

Вот так навсегда Октябрина и отделила себя от города.

Да только в жизни не все ладно идет. Есть и глупые люди, и злые, и завистливые, даже дураки полные встречаются. А все они в змея о четырех головах превратились. Одна голова — глупая — мысль подала Чалмны-Варре снести, другая голова — злая — людей всех по разным местам раскидать, третья — завистливая — всех людей этих счастья лишить, а четвертая — со всем согласилась, потому что ничего своего придумать не могла.

Ушли люди со своего селения, оставили могилы прародителей. Сейды, брошенные, мхом обрастать начали. Не стало больше «Глаз леса» на Поной-реке.

Как прознала про это Бинушка, горько заплакала, да разве горю можно помочь, коль змей о четырех головах на тундру ее налетел. Общая-то беда стала — для всех.

Свою боль за родное село, за народ, обираемый и гонимый, Октябрина вливала в строки, от безысходности криком заходилась ее душа. Много стихов написала Октябрина и стала известной всей Лапландии. Казалось, чего не радоваться. Но вновь

судьбе нужно было столкнуть ее с тем самым треклятым змеем о четырех головах. И стали эти головы нападать на беззащитную женщину. Здоровья ее лишили, счастье да любовь выкрали, даже с работы любимой учительской заставили уйти.

Больно было и обидно Октябринушке, но уж слишком слаба она была здоровьем, чтоб в открытый бой со змеем вступить; сжимала губы, стараясь сохранять спокойствие, да не показать змею поганому своей слабости.

А змей неистовствовал — тундру стал разорять, стада оленьи уничтожать, саамов единства лишать, вселять в сердца их раздор да зависть к успехам других.

Говорила, сама себя успокаивая, Октябрина: «Врешь, змей, ты не сломишь меня, не лишишь стихов, из моей души льющихся, мыслей моих не лишишь. Я девчонка с саамской душой, смогу победить тебя, змей».

И думалось Октябринушке, почему творить добро сложнее чем зло, и почему сотворя добро, затем приходится за него расплачиваться? Разве зло сильнее добра? Нет! Тогда почему же зло так часто торжествует на жизненном пути? Испытывает людей? Почему ее маленький народ саамы, такой добрый и щедрый душой, тоже заражен болезнью делать ближнему зло? Почему единство ушло от нас? Сколько тысяч лет бежал ее саамский народ в единой упряжке с Мяндашем-пырре, и куда все девалось теперь? Разбежались олени по разным тропам. Кто их теперь соберет? Раньше лопины открыто жили на берегах рек и озер, каждого гостя встречали словно родного: лучшее мясо, свежая рыба, самое удобное спальное место — все для него. А теперь лопари стали глубже в леса уходить,

прятаться за деревья, чтоб не видно, не слышно, словно воры живут. Потому как змей на все запреты ввел и людей принудил исполнять законы, изрыгаемые то одной, то другой головой. Так распоясался этот змей, что, как только узнал про Октябринину славу, выпустил жала из всех своих четырех голов и убил поэтессу народную.

Поле жизни становится все меньше,
Ближе кромка последнего дня,
Сделать все, что не сделано нами
Завещается нашим сынам.

Она ушла из жизни тихо и спокойно, не заламывая руки и не прося о помощи, она знала, что змей победил только ее тело, но не душу. Душа обрела крылья птицы и взлетела еще выше.

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней,
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?
Высок простор,
Он манит наши души,
Но что изменит он в твоей судьбе?

Простор изменил многое. Душа Октябрины стала недосягаемой змею, она победила его. Навсегда вписано имя Октябрины в летопись саамского народа; она стала его первой поэтессой.

Можешь скулить и кусаться, змей, ей жала твои уж не страшны, она поднялась выше всех на Лапландской земле и парит теперь в облике птицы.

ДВА ПУТИ

Как-то раз отправился лопин на охоту. Подошел он к горе, смотрит, перед ним тропка открылась. Подумал лопин, подумал — пойти по ней, посмотреть, куда она приведет — и пошел. Шел, шел, гору обошел, наверх поднялся на полгоры, смотрит и не может понять, куда пришел.

Открылась перед ним тундра вся, как на ладони, да только разделенная: на одной части ее — зелень сочная, ягель пышный, олени пасутся, птицы гнезда вьют, вода в озерах прозрачная; на другой мрачно все — земля словно выжжена, залысины камней блестят, какие-то вышки понастроены, в озерах вода белесая, мутная, воздух над тундрой тяжелый навис.

— Что это, — спрашивает сам себя лопин. И вдруг голос чей-то отвечает ему:

— За тобой решение будет, лопин, какой тундру избрать?

Не удивившись этому голосу, отвечает лопин:

— Так ведь и дураку понятно, какой я ее выберу — ту, что с оленями, что с озерами чистыми.

— Что ж хорошо, — произносит голос, — только прежде чем в будущем этом жить будешь, поди-ка сходи в прошлое.

Лопин опять вокруг горы обошел, доходит до того самого места, где голос был, смотрит, а там стоят его *еннь и аджъ* — мать и отец, что давно уже умерли.

— *Тиррв, тиррв, мин алльк.* — Здравствуй, здравствуй, сын наш, — говорят они ему. — Давно мы тебя ждем.

— Для чего ждете меня? Я пока что на тот свет не собираюсь, — говорит пораженный и чуть испуганный лопин.

— Так ведь мы с отцом вразумить тебя хотим, — отвечает сыну мать.

— Расскажи-ка ты нам, как тундру бережешь, ягель-кормилец хранишь, как оленей пасешь, не нарушаешь ли заветы прадедов?

Возмутился лопин:

— И что это такое, все с меня отчет требуют: контора, бригадир, даже вы, мои родители, умершие давно, и те выспрашиваете, что к чему. Ну что я могу вам сказать? Хорошо живем. За оленями мы теперь на вездеходах и буранах поспеваем везде, вертолеты нам в тундру почту, еду везут. Одно слово все на высшем уровне.

— Ладно, сын, не будем мы ничего у тебя выспрашивать, покажем лучше, как сами жили да наши прадеды, — сказал отец.

Повели родители сына, и открылась ему жизнь сразу нескольких поколений лопарей. Наследники строго исполняли завет своих отцов.

— Так мы жили, и деды наши жили, и прадеды, и хотим, сын, чтоб и ты так жил. Нас учили наши родители: «Землю надо беречь. Как она досталась нам в поросли трав и во мхах, поросшая лесами и кустами и всякой зеленью, так и беречь ее надо зеленую. Будешь беречь и холить землю зеленую, веселую — и сам ты будешь сыт, здоров и весел человек», — говорил отец.

— А еще они говорили, — продолжила мать, — «Землю люби, не брани землю: ты на ней живешь, ты ею кормишься; ягель-мох кормит оленя, олень кормит тебя; грибы, ягоды и травы кормят оленя да и тебя тоже, а еще и лечат тебя. То надо знать,

и землю надо любить. Ты хозяин — береги землю, она твоя кормилица».

— Так это доисторические методы, сейчас во всем техника применяется, — с гордостью выпалил лопин.

— Сдается нам, не понял ты ничего, мин алльк, из того, что мы с матерью показали тебе, что ж, отправляйся в свое время и живи, может, сердце твое чего и подскажет тебе.

Сказали родители это и исчезли, а он отправился тропой восвояси, да на то же место тропа его вывела.

И представились ему картины настоящего.

Видит лопин сам себя, лихо мчащегося на буране, подминающем березняк, видит, вездеходы грузы тащат, вспарывая гусеницами тундру, обнажая тело земли. Видит лопин, как дико шарахаются от этой техники олени пугливые, как в озера и реки бензин с моторов течет, да различными отходами они заполняются, и остолбенел. Хриплым голосом он закричал, что было сил:

— Стойте! Стойте! Олухи! Остановитесь вы, кому говорю! — да только голос его в пустоту уходил.

Понял тут лопин, что кричит-то самому себе. Сел на камень, обхватил голову и запричитал:

— Что ж мы делаем, что ж делаем! Один наследишь — вроде не видать, а вместе все — прямая дорога к гибели тундры-кормилицы.

Горе нам, горе!

Где тропинка та, что в будущее ведет? Пойти надо туда немедленно, совета у голоса выспросить, — заторопился лопин.

Смотрит, а вместо одной тропинки две стелются. Сел опять на камень и задумался.

«По какой идти?».

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки Надежды Большаковой 3
Прародитель — Мяндаш 5
Как Мяндаш-пырре из охотников-саамов пастухов сделал 9
Как самь оллмэ Куйву победили 15
Сказка о том, как гора Карнасурт название свое получила 19
Как нойд Леффьк нойда Моаксана победил 23
Сказка о том, как земля у саамов рост забрала 27
Кутькхемь — Бессердечный 31
Как Аййк — Бог Грома зло наказал 36
Нойд-роаввк 39
Дух Матери-Земли 45
Сказка о живой и мертвой воде 49
Как дух Тундры ослушницу наказал 56
Судьба, выпрошенная у Иммьлесьт — Бога 62
Как ягоды в тундре получили свои цвета 67
Как Сирьке жену себе добывал 71
Счастье дочери мы́шиного короля 82
Подарок чайки 90
Как Пудзэ-Виллый оллмэ искал 98
Как Иммель-айя вразумил женок-лопинок 107
Шурр Кабперь любовь 110
Сказка о любви 115
Тирьмесь-юккс 127
Нийта Воаця — девочка Варежка 132
Сказка о том, как Уммьп-яввресьт поселился Фиолетовый колдун и сгубил озеро . . . 140
Сказ об Октябрине, победившей змея о четырех головах 149
Два пути 155
Содержание 158

Большакова Надежда Павловна

ПОДАРОК ЧАЙКИ

Сказки о Лапландии

Редакторы-консультанты:
А. А. Антонова
Е. Н. Коркина
В. Л. Тимофеев

Рисунки автора книги

Автор выражает сердечную благодарность директору фирмы «Мрия» Людмиле Степановне Гайгер за помощь в содействии выпуска оригинал-макета.

Заказ 416. Тираж 6500 экз. Бумага офсетная.
Отпечатано в ГУПП "Русская Лапландия".
г. Кола, ул. Защитников Заполярья, 13.

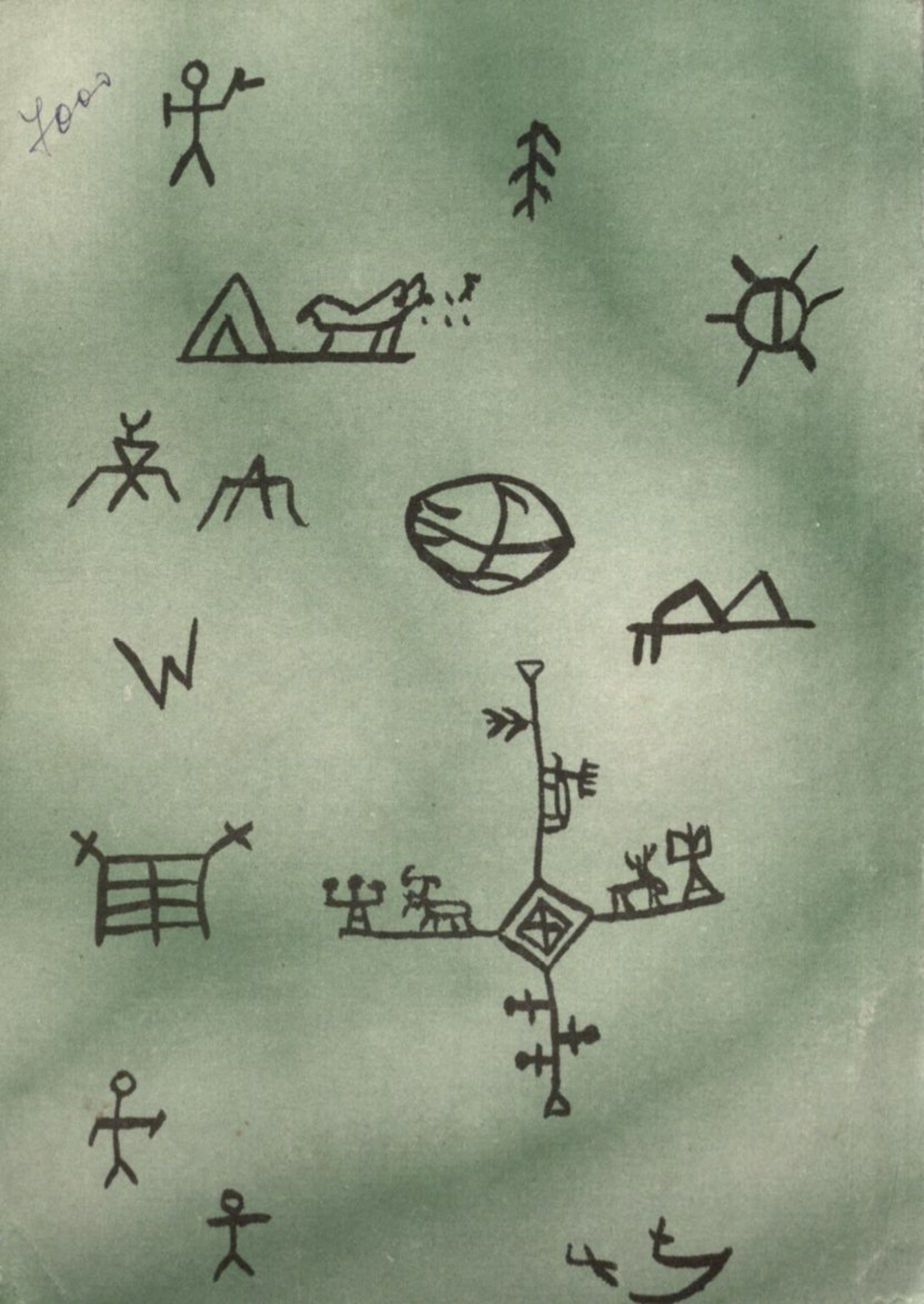
КОНГРЕСС ЖЕНЩИН КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Россия, 183025, Мурманск,
ул. Полярные Зори, 60, оф. 205.
Тел. (815) 4-63-41 EMAIL IRINA@WOMKONGR.MURMANSK. SU.

Конгресс женщин Кольского полуострова — независимая некоммерческая общественная организация. Учреждена 20 марта 1993 года, координирует взаимодействие женских клубов, ассоциаций многодетных матерей и семей, имеющих детей-инвалидов, объединений по интересам.

Цель Конгресса — создание в обществе новых условий для самореализации каждой женщины, развитие самосознания и ответственности за свою судьбу.

Объединяет более тридцати тысяч членов, самостоятельно разрабатывает и реализует программы поддержки различных групп женщин. Активистки Конгресса открыли для девушек и молодых женщин в 1992 году независимую воскресную гимназию, заботятся об открытии приюта для женщин, подвергшихся насилию, нового образовательного центра современных технологий для безработных.

Женщины всех возрастов, объединяясь, могут сделать свою жизнь лучше и интереснее. Пожилые члены Конгресса создали клуб «Ретро» для общения, знакомства и взаимопомощи людей преклонного возраста. Предпринимательницы объединились в клубы и областную Ассоциацию, чтобы делиться опытом, помогать друг другу, проводить обучение. Развитию политического сознания и активности помогает объединение женщин-политиков и избирательниц.

Вся работа проводится на общественных началах. Конгресс женщин Кольского полуострова активно устанавливает деловые и дружеские контакты с женскими организациями России, зарубежья и, в первую очередь, с женскими организациями стран Баренц-Региона.